

Списан досрочно!

Ирэн Весёлая

Списан досрочно!

Два берега одной лжи

Ирэн Весёлая

Ирэн Весёлая

**Списан досрочно! Два
берега одной лжи.**

«Литнет»

2026

Весёлая И.

Списан досрочно! Два берега одной лжи. / И. Весёлая —
«Литнет», 2026

—Я списан, досрочно!—сказал мой муж,вернувшись из очередного рейса.—
Откуда? Из другой семьи?—спросила я в лоб.Вадим удивленно взглянул на
меня, но отнекиваться не стал.— Мариночка, ну ты же взрослая женщина,
должна понимать... — Вадим вальяжно откинулся в кресле, будто мы
обсуждали меню на ужин, а не его двойную жизнь. — Море, мужские
потребности. Это ничего не значит. Ты — моя законная жена, мой берег,
мой статус. А там... просто досадная случайность. — Эта «случайность»,
Вадим, вчера назвала тебя папой, — мой голос не дрогнул, хотя внутри всё
выжигало каленым железом...Двадцать два года я была идеальной женой
моряка,была его тихой гаванью. Ждала, верила, дышала им одним. А он всё
это время строил другой дом на другом берегу. Вадим уверен, что я проглочу
обиду, ведь я полностью от него завишу. Он не знает, что я уже нашла его
вторую семью. И вместо того, чтобы стать врагами, мы решили выставить ему
общий счет.Он будет молить о возвращении, когда поймет, что потерял всё.
Но на моем горизонте уже показался другой корабль. И у его штурвала —
настоящий мужчина.В тексте вас ждут: ✓ Измена мужа, у которого «в каждом
порту по семье» ✓ Очень сильная и мудрая героиня ✓ Женская солидарность
вместо женских драк ✓ Встреча с мужчиной, для которого верность — не
пустой звук ✓ Справедливое возмездие и безусловный хэппи-энд

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8(Вадим)	42
Глава 9	48
Глава 10	52
Глава 11	58
Глава 12	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Глава 1

Запах воска для мебели всегда успокаивал меня. Есть в этом нечто первобытное: втирать густую, пахнущую медом и канифолью массу в старое дерево, чувствуя, как под пальцами просыпается живая текстура дуба.

Этот буфет достался нам от бабушки Вадима — громоздкий, потемневший от времени

монстр, который муж трижды порывался выкинуть. Но я упрямо отвоевывала его

каждую весну.

Сегодня я терла дерево с особой тщательностью. Круговыми движениями, до ломоты в

предплечьях. В Североморске-Порту утро выдалось серым, промозглым. За окном

висела густая взвесь — туман был таким плотным, что наше море, казалось,

решило заглянуть в гости прямо на четвертый этаж.

Вадим возвращался. Точнее, его возвращали. Шесть месяцев рейса должны были

закончиться только через два, но море решило иначе. Мой личный календарь

ожидания сбился, и это странное чувство — радость, смешанная с тревогой — не

давало мне дышать последние сутки.

Я выпрямилась, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. Посмотрела на свои

руки — кожа покраснела, ногти коротко острижены. Не «капитанская дочка», а

«капитанская жена». Архитектор, который за последние пятнадцать лет не

спроектировал ничего серьезнее кухонного фартука в собственной квартире,

зато научился виртуозно реставрировать рухлядь и ждать.

На кухне уже шептались яблоки внутри утки. Духовка издавала уютные, домашние

звуки. Я знала вкус Вадима до мельчайших нюансов: кожа должна быть

хрустящей, но не пережженной, соус — с легкой кислинкой брусники. Всё

должно быть идеально. Это мой кодекс. Если дома будет пахнуть воском, корицей

и покоем, то я смогу залатать любую брешь в нашей жизни. Так я думала все эти

годы.

— Марин, ну ты чего, застыла? — в дверь заглянула Светка, моя соседка. Она уже

накинула плащ и нетерпеливо крутила на пальце ключи от своей старенькой

«мазды». — Порт из-за тумана закроют для частников через полчаса, если

сейчас не выедем, будем на КПП до ночи мариноваться.

— Иду, Светик. Спасибо, что согласилась подбросить, у меня руки до сих пор

дрожат, какой там руль...

— Да брось, — Светка облокотилась о косяк. — Сама знаю, каково это. Мой-то на

траулере еще месяц болтаться будет, хоть за тебя порадуюсь. Но вообще странно

это всё, Марин. Чтоб Вадима, твоего «железного капитана», списали из-за колена?

Его судно-то дальше пошло, в Лиссабон, а его на попутный сухогруз пересадили,

как балласт... Не в его это правилах.

— Травма серьезная, Свет. Он писал, что в шторм так приложило о комингс, что

ходить не мог. Море — оно ошибок не прощает.

— Ну-ну, — хмыкнула подруга. — Колено — дело такое. Главное, чтобы остальное

работало.

Я промолчала. Светка была «боевой» женой: её муж возвращался пропахший рыбой и

дешевым спиртом, они скандалили так, что тряслись люстры, а потом мирились с

такой же силой. У нас с Вадимом всё было иначе. Благородно. Сдержанно. Как в

лучших домах. Капитан дальнего плавания и его верная Пенелопа.

Морской вокзал встретил нас низким ревом туманного горна. Звук был таким

тяжелым, что вибрировал в самых костях. Порт жил своей жизнью: лязг

кранов, мазутный запах, крики чаек. Туман был таким плотным, что

транспортное судно «Орион», на котором Вадима отправили домой из

ближайшего порта захода, казалось призраком.

Я стояла у кромки, вцепившись в ручку сумочки. Ветер пробирался под пальто,

покусывал лодыжки. Вокруг толпились люди, но я видела только его.

Вадим спускался по трапу последним. Медленно, осторожно переставляя правую ногу.

В руках у него была тяжелая трость с набалдашником из темного дерева. На нем

была форменная куртка, которая всегда делала его выше и шире в плечах, но

сейчас он казался каким-то... уменьшившимся.

— Вадим! — я рванулась вперед, игнорируя сдержанные кивки знакомых офицеров.

Он обнял меня одной рукой. Вторая крепко сжимала трость. Его куртка пахла чужим океаном и какими-то резкими, аптечными мазями. Я уткнулась носом в его плечо, ожидая привычного тепла, но Вадим словно окаменел.

— Тише, Маш, — глухо сказал он. Слово «Маша» всегда резало мне слух, я предпочитала свое полное имя, но за двадцать лет так и не смогла его переучить. — Нога чертовски ноет. Давай без сцен, и так тошно.

— Конечно, конечно... — я отстранилась, заглядывая ему в лицо. Вадим осунулся. Вокруг глаз залегли глубокие тени, а в волосах прибавилось седины. Но взгляд... взгляд был не уставшим. Он был загнанным. Так смотрит человек, который боится, что его сейчас о чем-то спросят.

— Списан досрочно, Маша, — повторил он, когда Светка уже везла нас домой, деликатно поглядывая в зеркало заднего вида. — Капитан без ноги — это балласт. Комиссовали на берег. Минимум на полгода, а там — как пойдет.

— Это же хорошо, Вадим! — я накрыла его ладонь своей. — Мы будем вместе. Дочь приедет на каникулы. Ты отдохнешь. Я найду лучших врачей...

— Посмотрим, — он резко отвернулся к окну, за которым мелькали серые скелеты портовых кранов. Дома всё было так, как я планировала. Тепло, уютно, пахнет уткой и праздником.

Но праздник не клеился. Вадим хромал по квартире, и звук его трости — тук, тук, тук — казался мне ударами молотка по нашему прежнему укладу. Он зашел в спальню, бросил сумку на пол, даже не взглянув на новые шторы, которые я выбирала две недели, представляя, как он оценит их цвет под «морскую волну».

— Утка готова, — сказала я, стоя в дверях. — Пойдем? Я открыла то вино, которое мы берегли для особого случая.

— Угу, — бросил он, присаживаясь на край кровати и вытягивая ногу. — Сейчас, только душ приму. Хочу смыть с себя эту соль.

За ужином он молчал. Ел быстро, сосредоточенно, словно перед ним была не изысканная птица, а пайка в судовой столовой. Я пыталась рассказывать новости: о Катьке, которая сдала сессию на «отлично» в своем архитектурном, о

том, что мне предложили небольшой подряд по дизайну.

— Проектируй, — безучастно отозвался он. — Лишь бы тебе в радость было. Денег

пока хватит, я страховку получил за травму. Приличную.

— Я не из-за денег, Вадим. Мне просто... важно что-то создавать.

Он не дослушал. В этот момент его телефон, лежавший на скатерти рядом с

приборами, ожил. Вибросигнал заставил посуду мелко задрожать. Вадим

вздрагнул так, словно его ударили током.

Я невольно глянула на экран. Уведомление было коротким, без текста. Имя

контакта: «Логистика. Лиманск».

Вадим накрыл телефон ладонью прежде, чем я успела осознать, что именно меня

смutilo.

— Кто это в такое время? — мягко спросила я. — Десятый час вечера, суббота.

— Работа, — он резко поднялся, забыв про трость. Сделал два быстрых шага к окну,

и я отчетливо увидела: он почти не хромал. Та тяжелая, вязкая походка, с которой

он спускался с трапа, на секунду исчезла, сменившись привычной твердостью. —

Контракт закрывают, путаница с документами в порту отгрузки. Лиманск — там

ремонтный док, через который моё судно шло. Придется завтра, наверное,

съездить в офис...

Он стоял ко мне спиной, и я видела, как напряжены его плечи.

— Ты же сказал, тебя списали окончательно? Какая работа, Вадим? Тебе лежать

надо.

— Маша, не начинай, — он обернулся, и его лицо снова стало маской усталого

героя. — Ты понятия не имеешь, какая там бюрократия. Если я сейчас не

закрою хвосты, мне пенсию так насчитают, что на семечки не хватит.

Он взял трость, снова картинно оперся на нее и похромал в сторону спальни.

— Я в душ. И спать. Устал как собака.

Я осталась сидеть за столом. Утка остывала, покрываясь тонкой пленкой жира.

Красивое вино в моем бокале казалось на вкус уксусом.

«Логистика. Лиманск». Лиманск — это город в шести часах езды отсюда. Там судно

Вадима стояло на плановом ремонте три месяца назад. Он тогда писал, что им

запретили сход на берег из-за карантина, и он страшно скучает.

Я посмотрела на закрытую дверь спальни. Почему он так вцепился в телефон? И

почему его колено «выздоровело» ровно на три секунды, когда нужно было

скрыть экран?

Я всегда гордилась тем, что я мудрая женщина. Что я не опускаюсь до проверок

карманов. Наш брак строился на граните доверия, который я шлифовала годами.

Но сейчас, глядя на пустой стул напротив, я вдруг вспомнила взгляд Вадима на

причале. В нем не было радости возвращения. В нем был страх разоблачения.

Я подошла к буфету, который так старательно натирала утром. В зеркальной дверце

отразилась женщина с правильными чертами лица, в красивом платье. Но глаза в

отражении были глазами человека, который только что почувствовал, как палуба

под его ногами дает крен.

Тишина в квартире стала другой. Раньше она была уютной. Теперь она пахла воском,

корицей и первой, пока еще робкой, но уже нестерпимой ложью.

Вадим вернулся. Но мой настоящий муж, кажется, всё еще оставался где-то там, за

горизонтом. А в моей спальне сейчас находился чужак, у которого в городе

Лиманске была какая-то очень важная «логистика».

Я медленно села на стул и допила вино, не чувствуя вкуса. Туман, который я

видела в порту, теперь пробрался внутрь моего дома. И он не собирался

рассеиваться.

Глава 2

Постель была слишком мягкой. После четырех месяцев на узкой судовой полке, где каждый

твой вдох аккомпанирует гулу главного двигателя, тишина нашей спальни казалась

почти оглушительной. Я лежал, уставившись в идеально белый потолок, и

чувствовал, как по венам разливается вязкое, ленивое удовольствие.

Марина была гением комфорта. Она умела создавать уют так же виртуозно, как

навигатор прокладывает курс: незаметно, четко, без единой лишней детали.

Хрустящий хлопок простыней пах лавандой и чем-то неуловимо домашним. Моим домом.

Я повернул голову. Половина кровати рядом со мной уже пустовала. Марина всегда

вставала первой. «Береговая жизнь», — усмехнулся я про себя. Здесь утро

начиналось не с рынды и не со сводки погоды, а с тихого шороха штор и

аромата кофе, который просачивался даже сквозь закрытую дверь.

Я сел, привычно ожидая укола боли в правом колене. Оно отозвалось тупой, но

вполне терпимой ноющей тяжестью. Разрыв мениска — штука неприятная, но для

опытного моряка — почти подарок, если уметь им правильно распорядиться. В

Бискайском меня приложило прилично, кровь тогда залила палубу за секунду,

и я не сразу понял, что кричу не от боли, а от ярости. Но уже в госпитале,

когда португальский хирург качал головой над снимком, в моей голове начал

созревать план.

Списание. Досрочное. На берег.

Это был мой шанс. Мой идеальный маневр, позволяющий сойти с дистанции раньше,

чем я окончательно сойду с ума от необходимости быть в двух местах

одновременно.

Я встал, намеренно тяжело опираясь на трость, стоявшую у изголовья. Трость была

хороша — темный лакированный дуб, тяжелый набалдашник. Она добавляла мне того

самого веса, который нужен капитану, внезапно превратившемуся в инвалида. В

зеркале шкафа на меня взглянул крепкий мужик с седеющей щетиной и взглядом, который привык резать горизонт. Сорок шесть лет — самый сок. Еще не старик, но уже с тем опытом, который женщины чувят за версту, как запах дорогого табака. Я дошел до ванной и запер дверь на защелку. Привычка, оставшаяся от тесных кают, где личное пространство — роскошь. Включил воду погорячее. Пока пар наполнял комнату, я вытащил из кармана халата второй телефон. Тот самый, тонкий, черный, который никогда не лежал на виду.

Экран ожил, ослепив меня десятком уведомлений.
«Папа, когда ты приедешь? Мама сказала, у тебя много дел в порту, но я уже

выучил стих про кораблик».
Сердце кольнуло — коротко, остро. Антошка. Мой маленький «капитан» из Лиманска.

Ему три, и он — точная копия меня в детстве. Такая же упрямая складка между

бровей, такие же светлые вихры.
Следом шли сообщения от Ангелины.

«Вадим, Лиманск в шести часах езды от Североморска. Ты сказал, что судно встало там, и тебя

отпустили на оформление. Прошло два дня. Почему ты не берешь трубку?

Антошка плачет. Я не понимаю, что происходит».
«Если ты снова решил исчезнуть, так и скажи. Я не маленькая девочка».
«Вадим, ответь. Мне страшно».
Я поморщился. Ангелина. Мое «солнышко» из Лиманска. Ей двадцать восемь, и она

пахнет ванилью и юностью. Четыре года назад, когда мой сухогруз застрял в ремонте в Лиманском доке на долгие три месяца, я думал, что это просто интрижка. Короткий роман, чтобы не спиться от скуки в чужом порту. Но

Ангелина была другой. Мягкой, податливой, искренне верящей в мою сказку

о «вдовце, который живет ради работы».
Я сам не заметил, как врос в эту ложь. Лиманск стал моим вторым портом приписки.

Там я был не суровым капитаном Волковым, а «папой Вадимом», который привозит лучшие игрушки и обещает, что «скоро мы будем всегда вместе».
— Вадим, ты скоро? — негромкий стук Марины в дверь заставил меня вздрогнуть.
Я быстро убрал телефон, спрятав его в потайной карман сумки с гигиеническими

принадлежностями.

— Да, Маш. Нога что-то совсем не слушается с утра. Сейчас выйду.

Выходя из ванной, я уже вовсю хронал. Марина ждала в коридоре — аккуратная, в светлом домашнем платье, которое подчеркивало её до сих пор стройную фигуру.

Она протянула мне руку, помогая дойти до кухни.

— Завтрак на столе. Как спалось? Не было судорог?

— Нет, всё нормально. Просто отвык от такой тишины, — я сел на свое привычное место.

Стол был сервирован так, будто мы ждали делегацию из министерства. Фарфор,

льняные салфетки, свежий омлет с зеленью. Марина всегда была такой —

правильной до кончиков ногтей. Иногда мне хотелось, чтобы она хоть раз

разбила тарелку или забыла погладить мои рубашки, но нет. Она была моим

идеальным тылом. Моей гарантией того, что, сколько бы я ни блуждал, в

Североморске меня всегда ждет этот идеальный порядок.

— Тебе звонили вчера вечером, — Марина как бы невзначай подвинула мне чашку с

кофе. — «Логистика. Лиманск».

Я замер с вилок в руке. Черт. Забыл выключить звук на основном телефоне. Вчера

после ужина я был слишком расслаблен этим её вином и запахом дома.

— А, это... — я выдавил максимально небрежную улыбку. — Да, я же говорил. Путаница

с документами по отгрузке. Судно-то дальше ушло, а бумаги оформлял я. Теперь

лиманские диспетчеры ищут крайнего. Придется сегодня заехать в управление,

разобраться.

Марина смотрела на меня внимательно. Слишком внимательно. В её серых глазах

мелькнуло что-то, чего я не смог прочесть. Или не захотел.

— В субботу? Управление работает по субботам?

— У флота нет выходных, Маш. Ты же знаешь. Тем более, рейс закрывают досрочно, страховку нужно оформлять.

— Ну да, конечно, — она опустила взгляд в свою чашку. — Я просто думала, мы

проведем этот день вместе. Хотела предложить вызвать врача на дом, чтобы

посмотрел твоё колено.

— Не надо врачей. У меня в госпитале во вторник прием, там свои спецы, военные.

Они на этих менисках собаку съели.
Я быстро доел омлет, чувствуя, как внутри нарастает зуд. Мне нужно было выйти из дома. Нужно было позвонить Ангелине. Лиманск — всего в пяти-шести часах по трассе. Если я выеду сегодня, смогу побыть там сутки, сказать, что «вырвался на день из порта». А Марине совру про срочную консультацию в областном центре или дела в управлении.
График. Мой идеальный график, который я выстраивал годами, дал течь. Раньше было проще: я в море — значит, меня нет ни для кого. Две недели в Лиманске между рейсами — и я снова «командировочный». Но теперь, когда я списан на берег, мне придется жонглировать этими двумя жизнями каждый божий день.
Я зашел в кабинет, закрыл дверь. Открыл ноутбук для вида, но сам снова достал черный телефон.
Ангелина не просто писала, она уже начала требовать. Ей нужно было оплатить аренду квартиры, нужно было купить Антошке теплую одежду — в Лиманске тоже похолодало. А еще она хотела внимания.
Я вздохнул. Я любил их. Обоих. Каждую по-своему. Марина была моей гордостью, моим прошлым, матерью моей взрослой дочери. Ангелина была моим вторым дыханием, моей попыткой обмануть время. Я искренне считал себя порядочным мужиком. Я ведь никого не бросил! Я обеспечивал обе семьи, я пахал в море как проклятый, чтобы у них было всё. Разве я не имею права на маленькую компенсацию за эту каторгу?
Но Ангелина была на взводе. Если она начнет звонить в управление или искать меня через общих знакомых в порту — это будет конец.
Я зашел в банковское приложение. У нас с Мариной был накопительный счет. Мы откладывали на покупку новой квартиры для Кати, нашей дочери. Там лежала приличная сумма — почти три миллиона. Марина редко заглядывала туда, она занималась текущим бюджетом, а «кубышка» всегда была моей прерогативой. Она доверяла мне безоговорочно.

«Деньги — лучшая смазка для нервов», — подумал я.

Я выбрал перевод по номеру карты. Получатель: «Елена Викторовна Г.». Мать

Ангелины. Самой Ангелине я крупные суммы не переводил — боялся случайных

проверок или вопросов от налоговой. А теще «на ремонт» — вполне законно.

Триста тысяч. Одним нажатием.

Этого хватит, чтобы она успокоилась на пару месяцев. Купит Антошке всё, что

нужно, закроет свои долги по кондитерской. А я получу передышку.

«Солнышко, отправил подарок. Скоро буду. В порту аврал, не обижайся. Целую

Антошку», — набрал я сообщение.

Облегчение пришло мгновенно. Проблема, казавшаяся утром огромной, сжалась до

размеров банковской транзакции. Я — капитан. Я разруливал ситуации и похуже,

когда в машинном отделении начинался пожар в десятибалльный шторм. Что мне эти

две женщины? Просто еще один курс, который нужно проложить между рифами.

Я вышел из кабинета, уже уверенно опираясь на трость.

— Маш, я поехал. К обеду не жди, там бумажной волокиты выше крыши.

Марина стояла в прихожей, она держала мой плащ.

— Вадим, может, всё-таки такси? Ты же хромаешь, как ты будешь водить?

— Ничего, левая-то нога в порядке, а у меня автомат, ты забыла? — я притянул её

к себе и поцеловал в лоб. — Не скучай. Я быстро.

Она кивнула, но в её глазах я снова увидел ту странную тень.

— Береги себя, Вадим. В управлении, сейчас, наверное, тоже

суета.

— В управлении всегда суета, — твердо ответил я и вышел за дверь.

Спускался я медленно, чеканя шаг тростью. Тук. Тук. Тук.

Выйдя из подъезда, я вдохнул полной грудью сырой морской воздух. Мой черный

«Прадо» ждал на стоянке. Я сел за руль, бросил трость на заднее сиденье и

завел двигатель.

Я — капитан Волков. И я выведу этот корабль из любого тумана. Я ведь всё делаю

правильно. Я всех обеспечил. Я всех люблю.

А то, что берега два... ну что ж. На то оно и море, чтобы у него всегда был другой

край.

Я вырулил со двора и нажал на газ, направляясь к выезду из города. До Лиманска

было триста миль лжи, и я был готов их преодолеть.

Глава 3

Храп Вадима всегда был для меня символом защищенности. Тяжелый, мерный, он напоминал гул мощного мотора, который исправно тянет наш семейный корабль через любые жизненные шторма. Но сегодня этот звук вызывал у меня лишь глухое, зудящее раздражение.

Я лежала на самом краю кровати, вжимаясь лопатками в прохладу стены. Рассвет в Североморске-Порту подкрадывался незаметно, окрашивая спальню в синюшные, неживые тона. Вадим спал на спине, раскинув руки, — поза человека, который уверен, что мир принадлежит ему по праву сильного. От него пахло дорогим одеколоном, свежим постельным бельем и чем-то еще. Чем-то сладковатым, пудровым, совершенно неуместным в нашей квартире. Этот запах чужого города и чужого уюта забивался мне в ноздри, мешая дышать.

Вчерашний эпизод с телефоном и «Логистикой» из Лиманска ворочался в моей голове тяжелым, холодным камнем. Я — архитектор. Мой мозг привык работать с чертежами, несущими конструкциями и четкими расчетами. Если фундамент дает трещину, всё здание обречено. А мой фундамент сейчас не просто трещал — он вибрировал под ногами.

Я осторожно поднялась, стараясь не потревожить «раненого» капитана. Нога Вадима, та самая, что вчера так картинно подкашивалась на причале, сейчас лежала поверх одеяла. Мощная, загорелая, она не выглядела больной. Скорее — отдыхающей. Мне нужно было что-то делать. Мой способ справляться с хаосом всегда был один — наведение порядка. Я должна была вытравить этот чужой запах из дома.

В ванной я начала собирать вещи в стирку. Его джинсы, футболки, свитера. Гора одежды росла, и вместе с ней росла моя решимость. Последним в мои руки попал его парадный китель. Тяжелая темно-синяя ткань, золотистые галуны на рукавах, пуговицы с якорями. Раньше я касалась его с трепетом, тщательно отпаривая каждую складку перед торжественными приемами в управлении флота. Сейчас

китель казался мне театральным костюмом, за которым прятался лжец.
Я привычно сунула руку в боковой карман. Это был автоматический жест —

проверить, не осталось ли там мелочи, зажигалки или важных квитанций.

Пальцы наткнулись на что-то мелкое.

Я вытащила руку и замерла.

На моей ладони лежала детская наклейка. Яркий, вызывающе желтый стегозавр с

глупой улыбкой. Он смотрелся на фоне моей ладони как инопланетный объект. В

нашем доме маленьких детей не было — Катя выросла и уехала. У наших друзей

внуки еще не доросли до наклеек, да и Вадим не из тех, кто будет возиться с

чужими малышами.

Сердце пропустило удар, а затем пустилось вскачь, колотясь о ребра, как

пойманная птица. Я снова полезла в карман, глубже, к самой подкладке.

Пальцы нащупали сложенный вдвое клочок термобумаги.

Я развернула его медленно, словно боялась, что бумага может меня обжечь. Это

была квитанция из частной клиники «Здоровье плюс». Город Лиманск.

Мои глаза лихорадочно бегали по строчкам, выхватывая куски текста, которые

складывались в приговор.

«Пациент: Волков А.В.» «Возраст: 3 года 2 месяца». «Дата приема: 24 апреля» —

это было всего несколько дней назад. Вадим писал мне тогда из «открытого

моря», жалуясь на плохую связь и шторм.

Я перевела взгляд ниже, в графу «Сопровождающее лицо». «Волков Вадим

Александрович». И мелкая, издевательски четкая приписка в скобках:

«Отец».

Мир вокруг меня качнулся. Плитка в ванной, зеркало, стопка полотенец — всё

поплыло, теряя очертания. Я опустилась на закрытую крышку унитаза, потому

что ноги внезапно стали ватными.

Лиманск. Город, где его судно стояло на ремонте четыре года назад. Лиманск, откуда

вчера пришло сообщение «Логистики».

Я смотрела на квитанцию, и в моей голове, привыкшей к точным расчетам,

выстраивалась ужасающая по своей простоте схема. Пока я здесь, в

Североморске, выбирала обои для нашей спальни, ждала его из рейсов, считала дни и пекла его любимые пироги, он строил другой дом. Другой проект. С другим фундаментом. И там, в том проекте, у него был сын. Сын, которому он дал свою фамилию. Сын, которого он водил к педиатру в то время, когда должен был стоять на мостике своего судна. Физическая тошнота подкатила к горлу. Я зажала рот ладонью, подавляя всхлип. Боль была такой острой, словно мне в грудь вбили стальной штырь и медленно его проворачивали. Двадцать два года. Почти половина моей жизни. Всё это время я была не женой, а удобным причалом. Статусом. Декорацией. Из спальни донесся шорох. Скрипнула кровать, послышались тяжелые шаги и характерный стук трости — тук, тук, тук. Вадим проснулся. Он надевал свою маску «раненого героя». Я быстро сунула квитанцию и наклейку в карман домашнего халата. Встала, плеснула в лицо ледяной водой. В зеркале на меня смотрела женщина с мертвенно-бледной кожей и темными провалами глаз. — Марин? Ты чего там застряла? — голос Вадима звучал бодро, почти весело. — Кофе пахнет? Или мне приснилось? Я вышла из ванной, стараясь не смотреть ему в глаза. Он стоял в коридоре, опираясь на трость, в одном белье. Мощный торс, шрамы на плечах — мой мужчина. Моя опора. Мой личный ад. — Сейчас сварю, Вадим. Иди, умывайся, — мой голос прозвучал на удивление ровно. Сказались годы привычки держать лицо перед женами его подчиненных, перед его руководством, перед всем миром. На кухне я механически засыпала зерна в кофемолку. Визг машины заглушал крик, который рвался из моего горла. Вадим зашел на кухню, когда я уже разливала напиток по чашкам. Он попытался обнять меня за талию, прижаться щекой к моему плечу. Его щетина была колючей, а поцелуй — привычным и пустым. Я заставила себя не отпрянуть. Каждое его прикосновение теперь ощущалось как

ожог.

— Слушай, Маш, — он отпил кофе и довольно зажмурился. — Я тут вспомнил... Вчера в

порту такая суeta была. Кажется, я кошелек свой старый там выронил, или в такси оставил. Не видела? Там мелочь была, карточки старые...

Я медленно повернулась к нему. Он лгал. Лгал так непринужденно, так виртуозно,

что на мгновение я даже восхитилась этим талантом. Он заранее готовил почву на

случай, если я найду чеки или какие-то следы его пребывания в Лиманске. «Потерял

кошелек». Как удобно.

— Нет, Вадим, не видела, — я пристально посмотрела ему в глаза. — А ты разве был

в Лиманске перед возвращением? Ты же писал, что судно шло без заходов.

Его взгляд на долю секунды дрогнул. Совсем чуть-чуть, едва заметно для того, кто

не прожил с ним бок о бок два десятилетия. Но он тут же взял себя в руки.

— Так я и не был. Я про наш порт говорю, Североморск. Голова кругом от этой боли

в колене, вот и теряю всё подряд. Ты чего такая серьезная? Случилось что?

Он протянул руку, желая погладить меня по щеке, но я сделала вид, что поправляю

прическу.

— Просто не выпалась. Странные сны снились. Про корабли, которые уходят не в те

порты.

Вадим усмехнулся, его лицо снова приняло выражение мягкого превосходства.

— Это всё нервы, Маночка. Говорю же — береговой воздух тебе не на пользу.

Женщины в твоём возрасте часто становятся мнительными, начинают

придумывать всякое... Ты бы попила чего-нибудь успокоительного. Ромашку

там, валериану или витамины какие.

Он использовал свой любимый прием — газлайтинг. Если я видела проблему, значит,

проблема была во мне. В моих нервах, в моём возрасте, в моей мнительности.

Раньше это работало. Раньше я винила себя за дурные мысли.

Но не сегодня. Сегодня в моём кармане жег кожу желтый стегозавр.

— Может быть, ты и прав, — тихо сказала я, глядя, как он аппетитно отправляет в

рот кусок тоста. — Наверное, мне действительно нужно... успокоиться.

— Вот и умница, — он похлопал меня по руке. — Я сейчас в управление доеду, решу

вопросы со страховкой, и весь день твой. Может, в ресторан вечером ходим?

Отметим моё возвращение как следует.

Я смотрела, как он ест, и видела перед собой чужака. Профессионального манипулятора, который умудрялся годами жонглировать двумя жизнями, не теряя равновесия. И в этой его второй жизни был Антошка, которому сейчас три года. Сын, которого он, скорее всего, любит совсем иначе, чем нашу Катю.

Потому что этот сын — плод его тайной свободы, его «другого берега». Вадим ушел переодеваться, продолжая насвистывать какой-то бодрый мотивчик. А я осталась стоять у окна, глядя на серые волны залива. Фундамент рухнул. Здание моей жизни лежало в руинах, присыпанное пылью его многолетней лжи. Но под этой пылью во мне начинало просыпаться нечто новое. Холодное. Твердое. Как те гранитные скалы, о которые разбивается прибой.

Он думал, что я «поплачу и успокоюсь». Он думал, что я — старая мебель, которую можно передвигать как угодно. Но он забыл одну важную деталь. Я — архитектор. И я знаю, что прежде чем строить новый дом, нужно полностью снести старый. До самого основания. Даже если это основание — мое собственное сердце.

Я вытащила из кармана квитанцию и наклейку. Положила их на край стола, в лучик холодного утреннего солнца. Желтый динозавр издевательски улыбался мне. Вадим Волков. Капитан. Муж. Отец. И самый большой лжец в моей жизни. В спальне хлопнула дверца шкафа. Трость мерно застучала по паркету. Он шел сюда, уверенный в своей силе и моей слабости. Он не знал, что его «списание на берег» только что стало окончательным. И на этот раз — без права на возвращение в мой порт.

Я взяла со стола квитанцию и спрятала её обратно в карман. Еще не время. Сначала я должна увидеть всё своими глазами. Я должна увидеть ту женщину и того ребенка. Я должна допить эту чашу до самого дна, чтобы потом никогда больше не испытывать жажды по этому человеку. — Ну, я пошел! — Вадим заглянул на кухню, уже в гражданском, подтянутый и холеный. — Не скучай, Маночка. Куплю тебе по дороге что-нибудь

вкусненькое.

— Удачи, Вадим, — ответила я его спине. — Смотри под ноги. Не упади снова.

Дверь закрылась. В замке повернулся ключ.

Я медленно опустилась на стул и закрыла глаза. В кармане халата моя рука сжимала

бумажку, которая стоила мне двадцати двух лет жизни. Пыль под ковром оказалась

слишком ядовитой. И теперь мне предстояло вымести её из своего дома навсегда.

Даже если вместе с ней мне придется вымести и саму себя.

Глава 4

Вадим вернулся без четверти одиннадцать. Я сидела в гостиной, не включая верхний свет — только старая настольная лампа под зеленым абажуром отбрасывала на полированный стол круг мертвенно-бледного сияния. В руках у меня была книга, но за три часа я не перевернула ни одной страницы. Я слушала.

Слушала, как за окном ворочается порт, как вскрикивают маневровые

тепловозы, как глухо ропщет залив.

Скрежет ключа в замке отозвался в моем позвоночнике электрическим разрядом. Я не шелохнулась.

— Маночка, ты чего в темноте? — голос Вадима был бодрым, но в нем проскальзывали

те самые фальшивые обертоны, которые я научилась различать всего за одни сутки.

Он вошел в комнату, неся перед собой огромный букет белых лилий. Тяжелый,

приторный аромат мгновенно заполнил пространство, вытесняя запах воска и

домашнего уюта. От лилий всегда пахнет либо свадьбой, либо похоронами. Третьего

не дано.

— Вот, в управлении задержался, а на обратном пути увидел круглосуточный. Решил,

что мое возвращение заслуживает большего, чем просто ужин.

Он подошел ближе, наклонился, чтобы поцеловать меня в макушку. Я заставила себя

не вздрогнуть. От его куртки пахло не только цветами. Сквозь парфюм пробивался

запах дешевого придорожного кофе, сигаретного дыма и дорожной пыли. Управление

флота находилось в десяти минутах езды от нашего дома, в самом центре города,

где асфальт моют едва ли не с шампунем. А от Вадима несло трассой. Длинной,

утомительной дорогой из Лиманска.

— Спасибо. Красивые, — я приняла букет. Стебли были холодными и влажными. — Ты,

должно быть, очень устал. Столько бумаг за один день...

— Не то слово, — он картинно потер колено, опираясь на трость. — Весь день на

ногах, эти страховщики из нас жилы тянут. Но всё решил. Теперь я официально

на реабилитации. Пойду в душ, Маш. Сил нет даже на чай.

Я проводила его взглядом. Он шел по коридору, тяжело припадая на правую ногу, но я видела, как напряжена его спина. Он играл. Весь его облик был тщательно выверенным спектаклем. Списанный капитан, честно заслуживший покой. Дождавшись, пока зашумит вода в ванной, я отнесла лилии на кухню и сунула их в вазу. Аромат стал невыносимым, до тошноты. Я открыла форточку. В кухню ворвался резкий, соленый ветер Североморска, но даже он не мог выветрить то ощущение гнили, которое поселилось в моем доме. Вадим вышел из душа через полчаса, закутанный в махровый халат. Он выглядел почти прежним — мокрые волосы зачесаны назад, лицо покраснело от горячей воды.

— Спать, — коротко бросил он, притягивая меня к себе для дежурного объятия. —

Завтра выспимся, Маночка. У нас впереди вечность.

Я дождалась, пока его дыхание станет тяжелым и мерным. Вадим засыпал мгновенно — привычка моряка, привыкшего ценить каждую минуту отдыха. Но сегодня его сон был слишком глубоким, почти бесчувственным. Так спят люди, истощенные не физическим трудом, а колоссальным внутренним напряжением. Ложь — это тоже работа, и сегодня он отпахал за двоих.

Я поднялась с постели в половине второго ночи. Пол был ледяным, но я не надела тапочки — лишний звук мог стать роковым. Я двигалась по собственной квартире как вор, как лазутчик на вражеской территории. Основной телефон Вадима лежал на прикроватной тумбочке, подключенный к зарядке.

Демонстративно открытый. Чистый. Я знала, что там ничего нет, кроме рабочих чатов и пары звонков «Логистике». Настоящая бездна была в другом месте. Я бесшумно проскользнула в ванную. Моё сердце колотилось так сильно, что, казалось, его стук должен был разбудить Вадима через две стены. На полке под зеркалом стоял его несессер — кожаная дорожная сумка со всякими мужскими мелочами. Он никогда не выкладывал её содержимое, даже когда возвращался надолго. «Привычка к автономности», — говорил он раньше. Теперь я знала

название этой привычки — «скрытность».

Я запустила руку внутрь, раздвигая тюбики с пеной для бритья и флаконы. На самом

дне, завернутый в мягкую фланелевую салфетку, лежал он. Тонкий черный смартфон

без чехла. Холодный и гладкий, как галька на дне ледяного ручья.

Я замерла, прислушиваясь. В квартире было тихо, только холодильник на кухне

негромко гудел, имитируя работу судового двигателя.

Мне нужен был его отпечаток.

Возвращение в спальню заняло вечность. Каждый шаг — как по минному полю. Вадим

спал, закинув правую руку за голову. Ладонь была полуоткрыта. Я медленно,

стараясь не дышать, опустилась на колени у кровати. Мои пальцы дрожали,

когда я поднесла сенсор телефона к его большому пальцу.

Тихий, почти неслышный щелчок разблокировки прозвучал в моей голове как пушечный

залп. Экран вспыхнул неярким синим светом, освещая лицо моего мужа. В этом свете

он показался мне мертвецом. Моя любовь к нему действительно только что умерла,

окончательно и бесповоротно.

Я ушла на кухню, плотно прикрыв дверь. Села на табурет, поджав под себя босые

ноги. На экране светились значки мессенджеров. Я открыла первый же чат,

закрепленный в самом верху.

«Ангелина. Солнышко».

Я начала листать вверх. Сообщения тянулись месяцами, годами. Это была не просто

переписка — это была летопись другой жизни, которую писали параллельно с моей.

«Вадик, Антошка сегодня сам надел сандалики! Представляешь? Ждем тебя очень. Без

тебя в доме как-то пусто». «Солнышко, я скоро. Судно в доке, вырвусь на три дня.

Купи те ребра, которые я люблю, пожарим во дворе». «Папа, а ты привезешь мне

настоящий бинокль? Я буду смотреть на кораблики».

Я открыла галерею. На меня хлынул поток фотографий. Вот Вадим в смешном фартуке

с надписью «Лучший повар» стоит у мангала. На заднем плане — небольшой уютный

дом с белой верандой. Я никогда не видела этого дома. Вот он держит на плечах

белобрысого мальчишку. Ребенок смеется, зажмурив глаза, и это сходство... оно

было пугающим. Те же скулы, та же ямка на подбородке. Моя Катя была похожа

на меня, а этот мальчик был вылитый Вадим.

Я листала и листала, чувствуя, как в моем сердце проворачивается ржавый нож. Я

видела их на пляже. Видела их в каком-то кафе. Видела Вадима, который собирает детскую кроватку — ту самую, которую он отказался собирать, когда родилась Катя,

сославшись на срочный вызов в порт.

Но самым страшным было одно видео.

Вадим сидит на диване в какой-то незнакомой гостиной. На нем старый, застиранный

халат — я такие ненавижу, всегда покупала ему только дорогие, шелковые или

плотные махровые. Он пьет чай из огромной керамической кружки с

нарисованным котом. Ангелина, молодая, с копной светлых волос,

смеется за кадром и спрашивает: — Ну что, капитан, дома лучше, чем в

море?

Вадим поворачивается к ней, и на его лице появляется такая улыбка, которую я не

видела уже лет десять. Теплая, бесконечно нежная, лишенная той вечной

снисходительности, с которой он смотрел на меня. — Здесь — лучше

всего, Ангел. Здесь я настоящий. Там — только работа и обязательства. А

здесь я живу.

Я выключила экран. Темнота кухни обрушилась на меня всей своей тяжестью.

«Там — только работа и обязательства». «Там» — это был наш дом. Это была я. Это

были двадцать два года моей верности, моих молитв, моих накрахмаленных

простыней и натертых воском буфетов. Я была для него «обязательством».

Удобной функцией. Береговой базой, где всегда заправят баки, вымоют палубу и

погладят китель.

А «здесь» — в Лиманске, с этой Ангелиной, которая, судя по фото, даже не знала,

что такое уют, — он жил. Он был счастлив в этом дурацком халате и с

кружкой-котом.

Он не просто изменил мне. Он украл мою жизнь, чтобы построить на её обломках

свою, настоящую. Моё время, мои лучшие годы были топливом для его счастья с

другой женщиной.

Я сидела неподвижно, пока небо за окном не начало приобретать грязно-серый

оттенок. Порт просыпался. Опять завыл маневровый тепловоз, и этот звук

показался мне криком раненого зверя.

Я не плакала. Слезы — это для тех, у кого еще осталась надежда. У меня же внутри

всё вымерзло. Я ощущала себя архитектором, который пришел на объект и увидел,

что вместо прекрасного здания под его чертежами зияет сточная канава.

Аккуратно, стараясь не оставить следов, я заблокировала телефон и отнесла его

обратно в ванную. Сунула в несессер, вернув всё на свои места с миллиметровой

точностью. Архитектурная привычка к порядку — она неистребима.

Я вернулась в спальню. Вадим спал, разметавшись по кровати. Он выглядел таким

мирным, таким надежным. Если бы я не видела те фото два часа назад, я бы

сейчас поправила ему одеяло.

Но теперь я смотрела на него и видела только чудовищный объем лжи, который он

умудрялся носить в себе. Как он не захлебнулся? Как он мог целовать меня,

зная, что несколько дней назад жарил ребра во дворе того дома в Лиманске?

Я легла на свою сторону кровати, но не закрыла глаза. Я смотрела на потолок, где

медленно проступали тени от оконных рам.

Он думал, что он гениальный стратег. Он считал, что я — наивная дурочка, которая будет

верить в «Логистику» и «страховщиков».

— Наслаждайся этим утром, капитан, — прошептала я одними губами. — Наслаждайся

своим комфортом. Потому что это последнее, что я для тебя сделала.

Я — Марина Волкова. И я никогда не была просто «обязательством». Он списал меня

на берег в своей голове давным-давно. Что ж, пришло время для симметричного

ответа.

Завтрак будет по расписанию. Я надену свою самую лучшую маску. Я буду улыбаться

и спрашивать о колене. Но внутри меня уже всю работу выполнял калькулятор

справедливости.

Я знала, что мне нужно делать. Я поеду в Лиманск. Я увижу этот рай своими

глазами. А потом... потом я сделаю так, чтобы от этого рая не осталось даже

пепла.

Светлело. Новый день начинался не с кофе. Он начинался с осознания того, что мой

муж — мой самый страшный враг. И я собиралась выиграть эту войну, не сделав ни

одного выстрела. По крайней мере, пока.

В несессере в ванной лежал черный телефон. В нем была его жизнь. В моей голове

теперь был план. И я не сомневалась, какой из этих инструментов окажется более

разрушительным.

Глава 5

Я проснулась раньше будильника. В Североморске-Порту утро всегда имело вкус жести и соли, но сегодня к ним примешивался удушливый, приторный аромат лилий, который за ночь пропитал всю квартиру. Цветы, принесенные Вадимом, стояли в вазе на кухонном столе, расправив свои восковые лепестки, словно ядовитые щупальца.

Я встала, накинула халат и пошла на кухню. Мои движения были точными, выверенными. Архитектор во мне всегда ценил структуру: если внутри тебя рушится мир, снаружи должна стоять идеальная опалубка. Я начала готовить завтрак. Сбивала тесто для блинчиков, следя, чтобы не было ни одного комочка. Разогревала сковороду. Тонкие золотистые кружева ложились на тарелку один за другим.

Это была моя маска. Моя броня из повседневной рутины. Глядя на то, как пузырится тесто, я думала о фотографиях в его черном телефоне. О мальчике с его глазами. О женщине, которая смеялась в объектив, пока я здесь, в этой самой кухне, вычеркивала дни в календаре.

— М-м-м, пахнет как в раю, — раздался за спиной бодрый голос.

Я не вздрогнула. Я даже улыбнулась, не оборачиваясь.

— Доброе утро, Вадим. Садись, всё почти готово.

Он вошел, тяжело опираясь на трость. Тук-тук-тук. Этот звук теперь казался мне издевательским метрономом. Вадим был в свежей футболке, гладко выбрит, от него пахло дорогим лосьоном. Он выглядел как человек, у которого совесть чиста, как операционная комната. Он подошел ко мне, обнял за талию и прижался щекой к моему плечу.

— Ты просто чудо, Маночка. Как ты всё успеваешь? Я вот думаю, нам надо в этой кухне ремонт обновить. Ты же архитектор, набросай что-нибудь современное.

Денег я дам, не экономя. Хочу, чтобы мой причал сиял.

Я медленно повернулась в его руках. Его глаза — те самые, что так нежно смотрели

на Ангелину в Лиманске — сейчас лучились фальшивой заботой обо мне.

— Ремонт? — я чуть склонила голову набок. — Хорошая идея. Только старое дерево

буфета я трогать не дам. Оно настоящее. В отличие от многого другого в этом

доме.

Вадим на мгновение замер. Его пальцы чуть сильнее сжали мою талию, но он тут же

расслабился.

— Ну, буфет — это святое, я помню. Ладно, давай свои шедевры, я проголодался как

акула.

Мы сели за стол. Я поставила перед ним тарелку из нашего лучшего сервиза —

тонкий костяной фарфор с золотой каемкой. Подарок на пятинадцатилетие

свадьбы. Вадим ел с аппетитом, поливая блинчики медом. Он рассуждал о том,

как завтра поедет в порт «дожимать» документы по страховке, как Катьке нужно

отправить деньги на новый ноутбук.

Я слушала его и чувствовала, как внутри меня растет холодная, прозрачная стена.

Каждое его слово теперь проходило через фильтр той ночной правды. «Поеду в

порт» означало «буду звонить в Лиманск». «Отправить деньги Кате» —

«выкроить кусок для Антошки».

— Вадим, — тихо прервала я его монолог. — Я тут подумала... Про твоё колено.

Он замер с вилкой у рта.

— А что с ним? Болит, конечно, но терпимо.

— Я вчера наткнулась на статью в интернете. В Лиманске открыли новый

реабилитационный центр. Говорят, там ставят на ноги даже после самых

сложных разрывов мениска. У них уникальное оборудование. Может, тебе стоит

съездить туда? Всего несколько часов на машине, а результат может быть

совсем другим.

Тишина в кухне стала осязаемой. Слышно было только, как тикают часы над дверью.

Вадим медленно положил вилку на край тарелки. Лицо его неуловимо изменилось —

морщинки у глаз разгладились, взгляд стал жестким, капитанским.

— Лиманск? — переспросил он, и в его голосе послышался металл. — Зачем мне

Лиманск, Маша? У нас в Североморске отличный госпиталь. К чему эти

сложности? И откуда вообще такой интерес к Лиманску?

— Просто забочусь о тебе, — я выдержала его взгляд. — И потом, Светка говорила, что видела вчера твой «Прадо» на заправке на выезде из города в ту сторону.

Она еще удивилась, что ты так быстро уехал. Наверное, обозналась?

Вадим медленно выдохнул. Он отодвинул тарелку, сложил руки на груди и посмотрел на меня с тем самым выражением «мудрого отца», которое я раньше принимала за любовь.

— Маша, послушай меня внимательно, — его голос стал вкрадчивым, почти нежным. —

Я понимаю, ты полгода была одна. Это тяжело. Нервы, одиночество... Но ты

начинаешь нести какую-то дичь. Какая заправка? Какой Лиманск?

Он подался вперед, заглядывая мне в глаза.

— Тебе не кажется, что ты стала... излишне мнительной? Знаешь, в твоём возрасте у женщин часто начинаются такие... гормональные качели. Фантазии, подозрения на

пустом месте. Тебе везде мерещатся заговоры. Может, тебе стоит попить

успокоительное? У тебя явно стресс на почве моего возвращения. Ты

выглядишь бледной, несешь чепуху... Мне страшно за тебя, Маночка.

Это был классический Вадим. Газлайтинг высшей пробы. Он не просто лгал — он

пытался убедить меня в моей неадекватности. Сделать так, чтобы я сама

усомнилась в своих глазах, в своей памяти, в квитанции, которая сейчас

лежала в кармане моего халата.

— В моём возрасте? — я горько усмехнулась. — То есть, мои вопросы — это климакс,

а твои ночные звонки «Логистике» — это производственная необходимость? Вадим, я не сумасшедшая. И я видела, как ты рванул за телефоном вчера вечером. Твоё

колени магическим образом исцелилось на несколько секунд.

Лицо Вадима налилось багровым цветом. Он резко выпрямился. Благодушная маска

«раненого героя» слетела, обнажив хищную, злую натуру человека, который

привык, что на судне его слово — закон.

— Значит, ты за мной следишь? — прошипел он. — Ты, женщина, которой я обеспечил всё? Квартиру, машину, безбедную жизнь, пока я горб ломал в океане? Ты смеешь

мне предъявлять претензии из-за каких-то сплетен твоей полоумной подружки?

— Я просто хочу правды, Вадим.

— Правды?! — он вдруг вскочил, забыв про свою хромоту. Трость с грохотом упала

на пол. — Ты хочешь правды? Правда в том, что ты сходишь с ума от безделья! Ты

выдумываешь проблемы, потому что тебе скучно! Ты хочешь разрушить нашу семью

из-за своих параноидальных бзиков?

Я посмотрела на его тарелку. Там остался последний кусочек блинчика, плавающий в

меду. В голове всплыла фотография: Вадим в Лиманске, смеющийся, с Антошкой на

плечах.

— А Антошка — это тоже плод моего климакса? — тихо спросила я.

Я не планировала этого говорить. Это вырвалось само, как крик боли, который

невозможно удержать.

Вадим замер. Воздух в кухне словно превратился в свинец. Несколько секунд он

просто смотрел на меня, и в его взгляде я увидела нечто такое, от чего у

меня похолодело внутри. Это был не страх. Это была ненависть загнанного в

угол зверя, который понимает, что его тайная нора раскрыта.

— Что ты сказала? — его голос упал до зловещего шепота.

— Я знаю, Вадим. Я всё знаю. Лиманск, Ангелина, ребенок... Квитанция из клиники

была в твоём кителе.

Он не стал оправдываться. Он не упал на колени. Он сделал то, чего я боялась

больше всего — он перешел к открытому насилию. Не над телом, а над моей

реальностью.

— Ты рылась в моих вещах? — он вдруг взревел так, что задребезжали стекла в

буфете. — Ты, дрянь, смеешь лезть в мои карманы?!

Одним резким движением он сметнул мою тарелку со стола. Тонкий костяной фарфор с

золотой каемкой встретился с плиткой пола. Звук был оглушительным, как выстрел.

Осколки разлетелись во все стороны. Один из них задел мою щиколотку, и я

почувствовала обжигающую боль, а затем — как по коже потекла тонкая

струйка крови.

Вадим навис надо мной, упираясь руками в стол. От него исходила волна такой

ярости, что я невольно вжалась в спинку стула.

— Слушай меня сюда, Маша, — его голос был тихим, вибрирующим от злобы. — Ты сейчас замолчишь. Ты соберешь эти осколки, вытрешь пол и забудешь все имена, которые тебе приснились. Ты будешь играть роль любящей жены, как делала это двадцать лет. Потому что если ты решишь, что ты самая умная, я сделаю так, что ты окажешься в психушке быстрее, чем успеешь сказать слово «развод». У меня хватит связей и денег, чтобы признать тебя недееспособной.

Ты сама сказала — у тебя гормоны, стресс, галлюцинации. Я об этом позабочусь.

Поняла?

Я смотрела на него и не узнавала. Это не был мой муж. Это был монстр, который годами жил в соседней комнате, маскируясь под родного человека. Разбитая тарелка была символом всего нашего брака. Грохот, пыль и золотые осколки в грязи.

— Поняла? — повторил он, еще ниже склоняясь к моему лицу.

— Поняла, Вадим, — прошептала я.

Он удовлетворенно кивнул, выпрямился и поднял свою трость. Снова начал прихрамывать, словно по щелчку выключателя.

— Вот и молодец. Завтрак был вкусным. Вечером жду тебя при параде, пойдем в

ресторан. И не вздумай портить мне настроение своим постным лицом.

Он вышел из кухни, и через минуту я услышала, как хлопнула входная дверь.

Я осталась сидеть в тишине. Солнечный луч из окна падал прямо на лужу меда, в которой лежали обломки моей любимой тарелки. Пятна джема на полу выглядели

как капли крови. Моя щиколотка пульсировала болью.

Я медленно опустилась на колени прямо в гущу осколков. Мне было плевать, если я

порежусь сильнее. Я начала собирать фарфор голыми руками. Крупный кусок с

золотой каемкой и частью герба нашего города... Я сжала его в кулаке так

сильно, что острый край впился в ладонь.

Вадим думал, что он меня запугал. Он думал, что его угроза психушкой заставит

меня забиться в угол и молчать. Он привык командовать матросами, которые

зависят от его воли.

Но он забыл, что я архитектор. Я знаю, как рассчитывать нагрузки. Я знаю, когда

здание пора сносить, потому что восстанавливать его — опасно для жизни.
Он хотел, чтобы я играла роль? Что ж, я буду играть. Я надену самое лучшее
платье, я буду улыбаться в ресторане, я буду идеальной декорацией. Но пока
он будет пить свое дорогое вино, я буду собирать свой «тревожный чемоданчик».
Он разбил тарелку. А я разобью его мир. Тик-так, капитан. Твой берег только что
стал для тебя самым опасным местом на земле.
Я встала, вытерла кровь салфеткой и посмотрела на лилии в вазе. Они уже начали
вянуть по краям — Североморский воздух не прощал нежности. Я взяла вазу и
целиком, вместе с водой, выкинула её в мусорное ведро.
Место освободилось. Пора было заполнять его правдой. И эта правда начнется в
Лиманске.

Глава 6

После вчерашнего погрома на кухне в квартире установилась мертвая, противоестественная тишина. Она не была мирной — это была тишина заминированного поля, где каждый неверный вздох мог привести к детонации.

Вадим вел себя так, словно совершил акт величайшего милосердия: он не сдал меня в клинику прямо ночью, а позволил проспать до утра в гостевой спальне. Я поднялась рано. Щиколотка, оцарапанная осколком той самой тарелки с золотой каймой, ныла под тугой повязкой. Я смотрела на свои руки и не узнавала их.

Эти руки двадцать лет строили «гавань», а теперь они собирали обломки. Вадим обнаружился в гостиной. Он сидел в кресле, чистый, выглаженный, с планшетом в руках. При виде меня он даже не поднял головы, лишь холодно

уронил:

— Завтрак в холодильнике. Я распорядился, чтобы ты пару дней посидела дома. Тебе

нужно прийти в себя, Маша. Твои вчерашние фантазии... это было за гранью. Я замерла в дверном проеме. «Распорядился». Как будто я была его матросом на

борту, а не женой. Архитектор внутри меня беззвучно закричал: несущие

конструкции сгнили, здание сложится в любую секунду.

— Ты прав, Вадим, — мой голос звучал ровно, почти безжизненно. Это была лучшая

роль в моей жизни. — Мне действительно нужно сменить обстановку. Я позвонила

Светке. У неё есть небольшой домик в пригороде, в лесу. Поживу там пару дней,

подышу воздухом. Попью успокоительные сборы, как ты советовал.

Вадим наконец поднял глаза. В его взгляде промелькнуло удовлетворение. Он

считал, что вчерашняя вспышка агрессии достигла цели: я сломлена, запугана

и готова признать себя «нестабильной».

— Вот это правильное решение, — он даже милостиво кивнул. — Светка, конечно, та

еще сплетница, но свежий воздух пойдет тебе на пользу. Поезжай. Я вызову тебе

такси.

— Не нужно. Она сама заедет за мной через час.

Я ушла в спальню и закрыла дверь. Мои руки дрожали, когда я вытащила из шкафа

небольшой чемодан, с которым обычно ездила в короткие поездки. Но сегодня это был не чемодан для отпуска. Это был мой «тревожный чемоданчик» беженки. Я начала складывать вещи. Джинсы, пара свитеров, удобные кроссовки. Но самое главное я прятала на дне, под слоём белья. Папка с документами. Паспорт.

Диплом архитектора, который уже много лет покрывался пылью. И старая кожаная папка, которую я не открывала лет пять.

В ней лежали документы на бабушкину квартиру. Старая «сталинка» на окраине нашего города, которую Вадим всегда называл «клоповником» и советовал продать. Но я упрямо держала её, сама не зная почему. Наверное, это был последний ошметок моей личной территории, куда он так и не смог запустить свои руки.

Я нащупала на дне папки связку ключей. Тяжелые, потемневшие от времени, с зеленым пластмассовым брелоком. В тот момент они показались мне весомее, чем всё золото мира.

«Пора проверить запасы», — подумала я и открыла банковское приложение на телефоне.

Мне нужны были деньги. Не на билеты — на жизнь. На то, чтобы иметь право голоса.

Я знала, что на нашем общем накопительном счете, куда Вадим исправно переводил «излишки» из рейсов, лежит почти три миллиона. Мы копили их для Кати, на её будущую квартиру в столице.

Я ввела пароль. Пальцы соскользнули, пришлось вводить снова. Открыть счет...

Перевести...

На экране возникло красное системное сообщение: «Операция отклонена. Доступ к счету ограничен владельцем. Пожалуйста, обратитесь в банк».

У меня внутри всё заledenело. Я попробовала еще раз. И еще. Результат был тот

же. Вадим заблокировал всё. Он перерезал мне кислород одним нажатием кнопки,

едва я заикнулась про Лиманск. Теперь у меня был доступ только к моей

зарплатной карте, на которую изредка капали копейки за мелкие

дизайнерские консультации. Там было тридцать две тысячи рублей. Весь

мой капитал против его империи лжи.

— Сволочь, — прошептала я, сжимая телефон так, что побелели костяшки. — Какая же

ты расчетливая сволочь.

Он не просто хотел меня «подлечить». Он хотел посадить меня на цепь. Без денег я

не смогла бы уйти, не смогла бы нанять адвоката, не смогла бы даже купить билет

до Лиманска, если бы он узнал.

Но он не знал, что у меня под подкладкой старой сумки зашита «зачатка» наличными

— те самые деньги, которые я понемногу откладывала с редких заказов, мечтая

когда-нибудь купить себе профессиональный графический планшет. Сто

пятьдесят тысяч. Мой единственный шанс на маневр.

Светка приехала вовремя. Её старая «мазда» пронзительно засигналила под окнами.

Вадим даже вышел в прихожую, чтобы проводить меня. Он снова был в маске

заботливого супруга.

— Отдыхай, Маш. И телефон... постарайся поменьше в нем сидеть. Мозгу нужен покой

от интернета.

Он поцеловал меня в щеку. Его губы были холодными. Я ответила механическим

кивком и вышла за дверь.

Как только мы отъехали на безопасное расстояние, Светка, которая всю дорогу

напряженно поглядывала на меня, не выдержала:

— Марин, ты на себя не похожа. Ты серая вся. Что этот ирод сделал?

— Он заблокировал счета, Свет. И он угрожал мне психушкой.

Светка так резко затормозила у обочины, что я едва не влетела в лобовое стекло.

— Что?! Да я его... Да я завтра же пойду к его руководству в управление!

— Нет, — я положила руку ей на плечо. — Никакого управления. Он этого и ждет.

Любое моё резкое движение он использует как доказательство моей

нестабильности. Свет, отвези меня не на дачу. Отвези меня на

вокзал.

— В Лиманск собралась? — подруга помрачнела. — Марин, подумай. Ты же там

сгоришь. Одно дело — догадываться, другое — увидеть.

— Я уже сгорела, Свет. Теперь я хочу посмотреть на пепелище.

Вокзал Североморска-Порта встретил нас привычным запахом креозота и горького

угольного дыма. Я купила билет на ближайший поезд до Лиманска. Конечная станция. Шесть часов в пути. Шесть часов между моей старой, разрушенной жизнью и чем-то, чему я еще не придумала названия. Когда я вошла в купе, там никого не было. Я села у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу. Поезд тронулся, медленно проплывая мимо портовых пакгаузов, мимо бесконечных рядов ржавых цистерн. Североморск прощался со мной низкими гудками маневровых тепловозов. Я закрыла глаза, и на меня обрушились воспоминания. 2005 год. Мой дипломный проект жилого комплекса в стиле модернизма. Преподаватели пророчили мне великое будущее. Я видела линии, я чувствовала пространство. А потом появился Вадим. Красивый, уверенный, пахнущий солью и свободой. — Зачем тебе эти пыльные стройплощадки, Машка? — говорил он, обнимая меня за плечи. — Архитектура — это мужской мир. Бетон, маты, прорабы... Ты должна созидать дома, в нашей семье. Будь моим вдохновением. Будь моей гаванью. И я стала. Шаг за шагом я демонтировала собственную личность. Сначала ушла из бюро, потому что «график неудобный для жены моряка». Потом перестала брать заказы, потому что «Вадим достаточно зарабатывает, зачем тебе напрягаться». Я сама не заметила, как превратилась в домохозяйку. В деталь интерьера, которую периодически протирают от пыли. Я растворилась в нем, как сахар в горячем чае. И теперь, когда он решил этот чай вылить, от меня не осталось ничего. Ни карьеры, ни финансовой подушки, ни уверенности. Только ключи от квартиры, в которой я не была пять лет, и чемодан с чужими лилиями в памяти. Поезд набирал ход. Пейзаж за окном сменился суровыми северными лесами. Я достала телефон и снова посмотрела на карту Лиманска. Улица Садовая, дом 14. «Садовая», — горько усмехнулась я. У меня в Североморске был гранит и ледяной залив. А у неё — сад. Я вспомнила Ангелину на фото. Она не выглядела как роковая разлучница. Она

выглядела как женщина, которая просто живет. Печет торты, растит сына,
ждет мужчину. Своего мужчину. Она ведь тоже обманута. Вадим украл у неё
право на честность точно так же, как украл у меня право на профессию.
Чем ближе был Лиманск, тем жарче становилось в вагоне. Север отступал, уступая
место степному зною.
Я вышла на перрон Лиманска через шесть часов. Воздух здесь был другим — сухим,
пыльным, с отчетливым запахом цветущей акации и горячего асфальта. Никакого
тумана. Никакой соли.
Я поправила лямку сумки и вышла к стоянке такси. В кармане джинсов я сжимала
стопку наличных. Мой билет в один конец.
— Куда едем, красавица? — лениво спросил пожилой таксист, вытирая пот со лба.
— Улица Садовая, четырнадцать, — ответила я, садясь на заднее сиденье.
— А, это в старом центре. Хорошее место, тихое. Там сады сейчас как раз в самом
соку.
Я откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Я ехала в свой личный ад, и
таксист называл его «хорошим местом».
«Здравствуй, Лиманск, — подумала я, глядя на пролетающие мимо низенькие дома с
палисадниками. — Покажи мне, за что он заплатил моей жизнью. Покажи мне всё,
чтобы я больше никогда не смогла его простить».
Машина свернула в тенистый переулок. Сердце колотилось где-то в горле. Я знала:
через пять минут я увижу то, что окончательно сожжет все мосты. И назад дороги
уже не будет. Но архитектор внутри меня шептал: чтобы построить новое, нужно
сначала увидеть истинный масштаб разрушений.
Такси остановилось.
— Приехали, четырнадцатый дом. С вас триста рублей.
Я протянула деньги и вышла. Передо мной был невысокий забор, утопающий в зелени.
И из-за этого забора доносился детский смех и звонкий женский голос:
— Антошка, не лезь в лужу, папа расстроится!
Я замерла, не в силах сделать ни шага. Шоу начиналось. И я была единственным
зрителем, у которого не было права на антракт.

Глава 7

Лиманск пах раскаленным асфальтом, сухой пылью и чем-то приторно-сладким, кажется, переспелой черешней. После вечного североморского тумана этот зной казался осязаемым, он лип к коже, забивался в легкие вместе с пылью акаций. Такси медленно отъехало, оставив меня один на один с невысоким деревянным забором, выкрашенным в нежно-кремовый цвет. Садовая, четырнадцать. Я стояла у калитки, вцепившись в ремень сумки так, что пальцы онемели.

Архитектор внутри меня невольно начал оценивать объект: аккуратный одноэтажный дом с мансардой, ухоженный сад, дорожки, выложенные плиткой. Здесь не было пафоса нашего «адмиральского» жилья в Североморске, но было нечто куда более опасное — жизнь. Настоящая, проросшая корнями в эту землю. — Антошка, ну посмотри на себя! Весь в вишне! Папа приедет — не узнает своего капитана! — Звонкий, чистый голос из-за забора полоснул по моим натянутым нервам, как бритва по стеклу. Я замерла, вжимаясь в кусты сирени, чьи листья уже подернулись серой пылью.

Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. В просвете между досками я увидела её. Ангелина. Она была именно такой, как на тех ночных снимках, только... живой. На ней был простой ситцевый сарафан, открывавший золотистые от загара плечи. Светлые волосы, перехваченные простой лентой, рассыпались по спине. Она не выглядела как хищная разлучница. Она выглядела как женщина, которая нашла свой личный рай и теперь старательно пропалывает в нем сорняки. Рядом с ней, у надувного бассейна, возился мальчик. Тот самый. Волков А.В. Антошка. Он старательно вылавливал пластиковым ведерком воображаемую рыбу, и каждое его движение, каждый наклон головы был до боли, до крика знаком. Это был Вадим. Маленькая, еще не испорченная ложью копия моего мужа. — Мам, а папа скоро приедет? — Малыш поднял голову, и я увидела его глаза.

Серо-стальные. Капитанские.

— Скоро, маленький. Вот только дела в порту закончит и сразу к нам. Он обещал

привезти тебе настоящий штурвал, помнишь?

Я закрыла глаза, чувствуя, как внутри всё вымерзает, несмотря на

тридцатиградусную жару. «Дела в порту». «Скоро приедет». Вадим

кормил её той же самой ложью, которой пичкал меня десятилетиями. Только порты

в этой лжи менялись местами. Для неё «командировка» была там, где жила я. Для

меня — здесь.

Вадим сейчас в Североморске. Он уверен, что я плачу в подушку на Светкиной даче,

смирившись с его превосходством и угрозой «психушки». Он даже не представляет,

что я стою в десяти шагах от его второй жизни.

Я снова посмотрела в щель забора. Ангелина присела на корточки рядом с сыном,

вытирая ему испачканную мордашку краем своего сарафана. В её жестах было

столько естественной, нерастраченной нежности, что мне стало физически

душно.

Она была моим отражением. Двадцать лет назад я так же стояла у окна, прижимая к

себе маленькую Катьку, и верила, что каждое слово Вадима — истина в последней

инстанции. Он не просто нашел себе любовницу. Он создал дубликат. Он завел

себе «новую Марину», чтобы снова и снова проживать тот период, когда женщина

смотрит на него как на бога, а не как на человека, чьи рубашки нужно гладить.

Архитектор во мне констатировал: он не реставрировал наши отношения, он просто

построил рядом точно такой же дом, из тех же материалов, только без трещин на

фасаде. Пока что.

Рука в кармане джинсов нащупала телефон. Я вытащила его, чувствуя, как дрожат

пальцы. Экран бликовал на солнце. Я открыла «ВКонтакте», группу «Сладкий

берег. Домашние торты в Лиманске».

На аватаре Ангелина улыбалась так же светло, как минуту назад своему сыну.

Я подняла глаза. Она была в пяти метрах от меня. Она не видела меня за густой

зеленью сирени. Я видела, как она выпрямилась, потянулась, подставляя лицо

солнцу. Счастливая. Обманутая. Моя сестра по несчастью, которая об этом еще не знает.

Палец завис над кнопкой «Написать сообщение».

Внутри всё кричало: «Беги! Уезжай, пока они тебя не заметили!». Но холодная

ярость, родившаяся из осколков разбитой тарелки, была сильнее страха.

Я начала печатать. Мой текст был сухим, безупречным текстом анонимного

заказчика.

«Здравствуйте, Ангелина! Мне очень советовали ваши работы. Нужен большой торт к

завтрашнему дню. Повод — воссоединение семьи. Шоколад и вишня. Вес — 3 кг.

Сможете?»

Я нажала «Отправить» и затаила дыхание.

Через секунду я увидела, как Ангелина вздрогнула. На столике под навесом, рядом

с тарелкой с вишней, вспыхнул экран её телефона. Она подошла к столу, вытирая

руки о сарафан.

Она взяла телефон. Улыбнулась. Её лицо осветилось чисто профессиональным

азартом. Она начала быстро печатать ответ.

Мой телефон вибрирует в ладони.

«Здравствуйте! С удовольствием возьмусь. Для такого повода сделаю всё в лучшем

виде. К 14:00 завтра будет готово. Вам удобен самовывоз? Адрес: Садовая, 14».

Я смотрела, как она кладет телефон обратно и что-то весело кричит Антошке. Она

была рада заказу. Она была рада «воссоединению семьи», не подозревая, чья

семья завтра воссоединится на её пороге.

Я начала писать ответ. Мой почерк в мессенджере не дрожал, в отличие от рук.

«Да, самовывоз идеален. Буду ровно в 14:00. Адрес знаю. До встречи».

Ангелина снова глянула в экран, чуть удивленно вскинула брови — видимо, её

смutilо моё «адрес знаю», — но тут же отвлеклась на сына, который уронил

ведерко в бассейн.

Я медленно отступила от забора. Ноги были ватными, но в голове установилась

странная, пугающая ясность.

Вадим думал, что он списал меня со счетов. Он думал, что заблокированные карты и

угрозы удержат меня в порту приписки. Он забыл, что я умею строить не только

дома, но и ловушки.

Я пошла прочь по пыльной улице Лиманска, не оборачиваясь. Теперь мне нужно было

найти место для ночлега. Бабушкина квартира в Североморске была далеко, а здесь у меня была только гостиница у вокзала и сто пятьдесят тысяч за пазухой. Мой «военный бюджет».

Я дошла до угла и оглянулась. Дом номер четырнадцать утопал в лучах заходящего солнца. Красивый. Тихий. Смертельно опасный.

«До завтра, Ангелина», — подумала я, ловя попутную машину.

В вокзальной гостинице пахло старым ковролином и хлоркой. Номер был крошечным, с узкой кроватью и окном, выходящим на пути. Но это было лучше, чем наш роскошный дом, пропитанный запахом лилий и вранья.

Я достала из сумки ту самую квитанцию из клиники и наклейку со стегозавром.

Положила их на тумбочку. Рядом поставила стакан воды.

Завтра в два часа дня я заберу свой торт. Шоколад и вишня. Кровь и пепел.

Я легла на кровать, не раздеваясь, и усталилась в потолок. Стук маневровых тепловозов за окном напоминал мне о Североморске. Вадим сейчас, наверное, ужинает. Может, даже звонит «Светке», чтобы проверить, как там его «больная» жена. А Светка, верная моя Светка, врет ему в ответ, давая мне время.

Я закрыла глаза. Перед глазами стояла Ангелина, улыбающаяся солнцу.

— Ты не виновата, — прошептала я в пустоту номера. — Но ты — то зеркало, которое я должна разбить, чтобы увидеть своё настоящее лицо.

Завтра капитан Волков узнает, что такое настоящий шторм. И этот шторм придет не с моря. Он придет с его собственного крыльца, в виде женщины, которую он посчитал «пустым местом».

Я жала кулак, чувствуя, как ноет порез на щиколтке. Боль была правильной. Она помогала не забывать.

Спи спокойно, Вадим. Твой берег только что перестал быть безопасным.

Я провалилась в тяжелый, душный сон, в котором желтый стегозавр вырастал до размеров сухогруза и медленно давил своими колесами кремовую калитку дома номер четырнадцать.

Глава 8(Вадим)

(от Вадима)

Квартира без Марины казалась странно притихшей, будто судно, у которого

заглушили двигатели в открытом море. Тишина была не уютной, а какой-то

пористой, ватной. Раньше я этого не замечал — её присутствие всегда создавало

невидимый фон, как гул кондиционера: ты его не слышишь, пока он работает, но

стоит выключить, и по ушам бьет пустота.

Я отбросил трость на диван. В пустой квартире в ней не было смысла. Нога ныла,

мениск действительно требовал ремонта, но не такого драматичного, какой я

разыгрывал перед женой. Вчерашний скандал всё еще горчил на языке, как

дешевый коньяк.

Я подошел к окну, глядя на серые краны порта. «Психушка». Да, я перегнул палку.

Но с Маночкой по-другому было нельзя. Она слишком долго жила в тепличных

условиях, которые я ей создал, и начала мнить себя равной. Архитектор,

черт возьми. Проектировщик семейного счастья. Стоило ей только почуять запах

Лиманска, как она тут же ошетибилась, как еж.

— Ничего, посидит на даче у своей Светки, подышит туманом, остынет, —

пробормотал я, открывая холодильник.

Марина оставила его полным, как всегда. Контейнеры с едой были подписаны, овощи

вымыты, даже сыр нарезан идеальными треугольниками. Эта её дотошность раньше

меня восхищала, а теперь вызывала легкую тошноту. В Лиманске Ангелина могла

оставить в холодильнике только половинку йогурта и засохший кусок пиццы, но

там я чувствовал себя живым. А здесь — экспонатом в музее её безупречности.

Я выудил из боковой дверцы бутылку пива, свернул крышку и сделал долгий, жадный

глоток. Свобода.

Телефон в кармане завибрировал. Тот самый. Черный.

Я поморщился, но трубку взял.

— Да, Лина, я слушаю.

— Вадюш, привет! — её голос, обычно медовый, сейчас звенел от какого-то

лихорадочного возбуждения. — Ты не представляешь, какой у меня сегодня день! Антошка спит, а я тут на кухне просто летаю. У меня такой заказ упал — закачаешься!

— Лина, я же просил, не звони мне в это время, — я прошел в кабинет и плотно закрыл дверь, хотя в квартире никого не было. Старая привычка параноика. — У меня тут... обследование. Врачи ходят туда-сюда.

— Ой, прости, родной. Просто не стерпела. Представляешь, женщина какая-то написала, заказала огромный торт. «Черный лес», три килограмма! Пишет —

«для воссоединения семьи». И знаешь, что странно? Она сказала, что адрес

знает. Прямо так и написала: «Буду ровно в четырнадцать ноль-ноль, адрес

знаю». Ты представляешь, какая у меня репутация в городе? Меня уже по адресу

находят!

Внутри меня что-то неприятно екнуло. «Воссоединение семьи». Адрес знает.

— Как её зовут? — спросил я, чувствуя, как пиво колом встало в горле.

— Ой, да я не посмотрела, ник какой-то странный, на аватарке цветы. Но тон

такой... серьезный. Вадь, ты чего молчишь? Ты рад за меня?

— Рад, Лина, рад, — я потер висок. — Слушай, ты это... не открывай дверь кому

попало. Лиманск — город маленький, мало ли кто там что знает. И вообще,

завязывай ты с этими тортами. Я же тебе денег перевел вчера. Тебе мало?

Голос Ангелины в трубке мгновенно изменился. Исчезла ваниль, прорезалась обида —

тонкая и острая, как лезвие.

— Денег? Вадим, ты опять за своё? Я не содержанка твоя, я дело своё строю! Мне

важно чувствовать, что я сама что-то значу. Ты вечно пытаешься меня купить. То

миксер, то аренду оплатишь... А мне нужно, чтобы ты рядом был! Антошка сегодня в

бассейне тебя искал, «папа» кричал каждой тени. Ты понимаешь, что мне твои

деньги в постель не положить?

— Лина, не начинай, — я почувствовал, как закипает ярость. — Я списан на берег.

У меня колено всмятку. Я по госпиталям мотаюсь, чтобы инвалидом не остаться, а

ты мне истерики закатываешь из-за того, что я тебе помогаю? Ты хоть понимаешь,

скольким я рискую ради вас?

— Рискнешь? — она почти выплюнула это слово. — Чем ты рискуешь, Вадим? Своим

комфортом? Своей спокойной жизнью в Североморске, про которую ты мне ничего

не рассказываешь? Я же не дура. Я чувствую, что там, за твоими

«командировками», стоит какая-то стена. Ты обещал, что

уволишься. Обещал, что мы будем вместе. Прошло три года! Антошка растет

без отца, а я — как вечная вдова при живом муже!

— Замолчи! — рявкнул я так, что в ушах зазвенело. — Замолчи и делай свои торты,

раз тебе так хочется. Завтра в два, говоришь? Ну и пеки. Только не ной мне

потом, что устала.

Я сбросил вызов и швырнул телефон на диван. Дыхание было тяжелым, прерывистым.

Женщины. Они как якоря — стоит одному зацепиться за грунт, как второй тут же

начинает тянуть судно на дно.

Марина со своими подозрениями и «архитектурным» контролем. Ангелина со своими

претензиями на вечность. И обе хотят от меня одного — чтобы я принадлежал им

целиком. Но капитан Волков не принадлежит никому. Кроме моря. Которое меня

предало, выплюнув на этот опостылевший берег.

Нужно было выйти. Проветриться. Иначе я сам поверю в то, что схожу с ума.

Я надел куртку, взял трость — привычка уже стала второй натурой — и вышел из

квартиры. Североморск-Порт встретил меня низким небом и пронизывающим ветром

с залива. Я шел по знакомым улицам, чеканя шаг. Тук. Тук. Тук. Прохожие

уважительно косились на мою капитанскую куртку и трость. Здесь меня

знали. Здесь я был фигурой.

Возле центрального рынка я увидел знакомую «мазду» Светки. Она как раз

парковалась у входа.

Идеально. Нужно закрепить результат.

Я дождался, пока Светлана выйдет из машины, и направился к ней, прихрамывая чуть

сильнее, чем обычно.

— Света! Добрый день, — я изобразил на лице смесь усталости и вежливого

беспокойства.

Светка вздрогнула, увидев меня. Она поправила свой яркий шарф и посмотрела на меня так, будто я был каким-то неприятным насекомым.

— А, Вадим. Привет. Не ожидала тебя встретить в таком... активном состоянии. Маша сказала, ты пластом лежишь.

— Пытаюсь расхаживаться, врачи велели, — я вздохнул. — Как она там? На звонки не отвечает, я места себе не нахожу. Мы вчера немного... повздорили. Переутомилась она, нервы ни к черту.

Светка скрестила руки на груди. Её взгляд стал колючим.

— Плачет твоя Маша, Вадим. Третьи сутки на каплях. Я её в домик в лесу отвезла, там связи почти нет, и слава богу. Ей покой нужен. Ты бы её в покое и оставил,

Капитан. А то ведь знаешь, женское терпение — оно как трос. Кажется крепким, а потом — р-раз! И полголовы сносит.

Я едва сдержал довольную умылку. Плачет. Пьет капли. Значит, сломлена. Значит, мой план сработал.

— Передай ей, что я очень переживаю, — проникновенно сказал я. — Пусть отдыхает.

Я сам со всем справлюсь. И за квартиру не волнуйтесь, я там ремонт затеял, так что ей лучше пока не возвращаться в эту пыль.

— Ремонт — это хорошо, — буркнула Светка. — Главное, чтобы фундамент не поплыл.

Ладно, мне пора.

Она развернулась и ушла, не попрощавшись. Я проводил её взглядом. Глупая баба.

Маша всегда выбирала себе в подруги каких-то странных личностей. Но сейчас это

мне было только на руку. Раз Светка подтверждает, что Марина на даче, значит,

тылы прикрыты. Можно расслабиться.

Я побрел в сторону набережной. Ветер стал сильнее, он гнал по асфальту сухие

листья и обрывки газет. Порт гудел, где-то вдалеке завыл буксир — тягуче,

тоскливо.

Я остановился у парапета, глядя на свинцовую воду. В Лиманске сейчас жара. Там

акации цветут. Там Ангелина сейчас взбивает свой крем, а Антошка, наверное,

проснулся и требует мультики.

Странное чувство тревоги, которое возникло во время разговора с Линой, не

проходило. «Адрес знаю». Кто это мог быть? Кто в Лиманске мог знать адрес

Ангелины и заказать торт именно на завтра?

Я начал перебирать в уме своих знакомых. Судоремонтники? Снабженцы? Нет, никто

из них не стал бы играть в такие игры. Лина — простая душа, она всем светит,

всех угощает. Может, кто-то из соседок порекомендовал?

Я тряхнул головой. Хватит. Ты — капитан первого ранга. Ты не должен дергаться от

каждого шороха.

Я развернулся, чтобы идти к машине, и вдруг замер.

На другой стороне улицы, возле входа в торговый центр, мелькнул знакомый силуэт.

Тонкая фигура в темно-синем плаще. Таком же, какой я купил Марине в прошлом году

в Антверпене. Походка — легкая, чуть стремительная, голова высоко поднята.

— Марина? — вырвалось у меня.

Сердце пропустило удар и пустилось вскачь, как безумное. Она не могла быть

здесь. Она на даче у Светки, в лесу, в тридцати километрах отсюда!

Я, забыв про трость и колено, рванулся через дорогу. Машины возмущенно

сигналили, кто-то крикнул мне вслед ругательство, но я не слышал. Я

видел только этот плащ.

Она зашла за угол. Я прибавил ходу, стискивая зубы от внезапно прострелившей

боли в суставе.

— Марина! Стой!

Я выскочил за угол.

Женщина стояла у витрины аптеки. Она обернулась на мой крик.

Это была не она. Совсем не она. Лицо старше, глаза другого цвета, на губах —

недоуменная улыбка.

— Вы мне, мужчина? Мы знакомы?

Я остановился, тяжело дыша. Пот градом катился по спине. Я выглядел, наверное,

как сумасшедший — растрепанный, с тростью в одной руке и безумным взглядом.

— Простите... — я выдавил из себя подобие извинения. — Обознался. Похожи со спины...

на жену.

— Бывает, — женщина пожала плечами и вошла в аптеку.

Я прислонился к холодной стене здания. Руки дрожали.

Паранойя. Чистой воды паранойя. Вадим, ты довел себя до ручки. Тебе мерещится

собственная жена в каждом прохожем, хотя ты сам загнал её в лесную глушь под

присмотр Светки.

Я посмотрел на свою трость. Пальцы побелели от напряжения.

«Адрес знаю».

Почему эта фраза так приклеилась к моему сознанию? Почему мне кажется, что

туман, в котором я вчера встречал «Орион», теперь поселился в моей голове?

Я глубоко вдохнул, пытаюсь успокоить сердце. Ты — Капитан Волков. У тебя всё под

контролем. Марина плачет на даче. Ангелина печет торт в Лиманске. Ты — здесь, в

Североморске, восстанавливаешь здоровье.

Два берега. Одна ложь. И пока мосты между ними сожжены моими собственными

руками, мне нечего бояться.

Я выпрямился, снова оперся на трость и зашагал прочь. Я не знал, что в

этот самый момент Марина в пыльном гостиничном номере Лиманска смотрит на

наклейку со стегозавром. Я не знал, что завтра в два часа дня мой мир не

просто даст трещину — он разлетится на такие мелкие осколки, что их не соберет

даже самый лучший архитектор в мире.

Я шел домой, и мне казалось, что я снова на мостике. Всё под контролем.

Всё идет по плану.

Но море — оно никогда не прощает самонадеянности. А я слишком долго считал себя

его хозяином.

Вечером я открыл бутылку виски. Сидел в кабинете, не включая свет. В темноте

Лиманск и Североморск казались мне одной большой шахматной доской, где я уже

поставил мат обоим королевам.

Я уснул прямо в кресле, прижимая к себе пустой бокал. Мне снился шторм. Но не в

океане, а в моем собственном доме. И Марина, стоящая на капитанском мостике

моего судна, спокойно отдавала команду:

— Полный назад. Списание окончено.

Я проснулся в холодном поту. За окном занимался рассвет. Суббота подходила к

концу. Завтра было воскресенье. День, когда Ангелина должна была отдать свой

«Черный лес» таинственной заказчице.

Я еще не знал, что это воскресенье станет моим личным Судным днем. И что списан

досрочно в этой жизни буду только я один.

Глава 9

Лиманск в два часа дня напоминал раскаленную духовку. Зной замер над Садовой улицей, превращая воздух в густое марево, в котором плавали запахи сухой травы и дешевого асфальта. Я стояла перед калиткой четырнадцатого дома, и мои руки, сжимавшие ручку кожаной сумки, были ледяными, несмотря на тридцатиградусную жару.

Вчера я была тенью в кустах сирени. Сегодня я должна была войти внутрь. Я толкнула калитку. Та издала короткий, почти приветственный скрип. Дорожка к дому была чисто выметена, вдоль неё теснились яркие бархатцы и петунии. Всё здесь кричало о женской руке, о старательном, почти фанатичном желании превратить этот клочок земли в идеальную картинку. В «гавань».

На крыльце валялись маленькие резиновые сапожки — красные, с нарисованными глазами-бусинками. Я замерла, глядя на них. Вадим всегда ненавидел разбросанную обувь. В Североморске Катя знала: туфли должны стоять в ряд, носок к носку. Здесь же сапожки валялись как попало, и это была первая, самая мелкая трещина в моем представлении о муже. Оказывается, он мог быть терпимым. Просто не со мной.

Я поднялась на крыльцо и нажала на кнопку звонка. За дверью послышалась весёлая трель, а затем — топот маленьких ножек.

— Папа! — звонкий крик Антошки ударил мне под дых.

Дверь распахнулась. Мальчик, задрав голову, смотрел на меня с разочарованием, которое тут же сменилось любопытством.

— Это не папа, — констатировал он, рассматривая моё платье.

— Антоша, ну кто там? Я же просила не открывать без меня! — из глубины дома вышла Ангелина.

Она была в муке. Пятнышко белой пудры на кончике носа, на лбу, на фартуке с надписью «Сладкий берег». Она выглядела так по-домашнему, так естественно, что моё заранее заготовленное лицо «холодной заказчицы» чуть не дало трещину.

— Здравствуйте, — она улыбнулась, вытирая руки о полотенце. — Вы за «Черным

лесом»? Проходите, проходите, я как раз упаковку доклеиваю.

Я переступила порог.

Внутри дом пах ванилью, корицей и вишневым ликером. И еще — Вадимом. Его

присутствие ощущалось здесь физически. На вешалке в прихожей висела его

старая ветровка — та самая, которую он якобы «потерял в порту два года назад».

На тумбочке лежали его запасные очки в роговой оправе.

— Простите за беспорядок, у меня сегодня пять заказов, настоящий аврал, —

Ангелина провела меня на кухню.

Кухня была сердцем этого дома. Огромный стол, заваленный кондитерскими

принадлежностями, мощный миксер (тот самый, «подарок от любимого»),

ряды баночек со специями.

— Вот ваш красавец, — она указала на высокий торт, украшенный взбитыми сливками

и пьяной вишней. — Получился чуть тяжелее, три триста. Но за перевес не возьму,

праздник же у вас. Воссоединение семьи — это святое.

Я подошла ближе, глядя на торт. Шоколадный бисквит, пропитанный сиропом, казался

мне сейчас пластом чернозема, из которого выкопали мою жизнь.

— Да, — выдавила я, открывая сумку. — Очень важный праздник. Двадцать два года

ожидания.

Ангелина замерла, накрывая торт пластиковой крышкой.

— Ого! Двадцать два? Это вы золотую свадьбу родителей празднуете?

— Нет. Свою. Только вот муж мой... он часто задерживается в командировках. А тут —

списали на берег. Раньше срока.

Я медленно подняла глаза на Ангелину. Она смотрела на меня с искренним

сочувствием. В её глазах не было ни капли подозрения. Она видела во

мне «сестру по несчастью» — еще одну женщину, чья жизнь подчинена чужому

расписанию.

— Ох, как я вас понимаю, — она вздохнула, присаживаясь на край стула. — Мой

Вадим — тоже моряк. Капитан. Его иногда по полгода не бывает. Вот только

вчера приехал, а сегодня уже с утра в порту, бумаги оформляет. Говорит, что

хочет совсем на берег сойти, ради нас с Антошкой... Но я боюсь верить. Знаете,

как это бывает? Море их не отпускает.

Она произнесла имя «Вадим» с такой нежностью, что у меня перед глазами поплыли кровавые круги.

— Знаю, — кивнула я, выкладывая на стол три пятитысячные купюры. — Я очень хорошо знаю, как море их не отпускает.

— Ой, что вы, это много! — Ангелина замахала руками. — Торт стоит четыре тысячи.

— Возьмите. У вас чудесный сын. И... муж, должно быть, очень старается для вас.

Такие подарки дарит.

Я кивнула на профессиональный кондитерский холодильник, стоящий в углу. На его дверце висел магнит — сувенир из Гамбурга. Я сама покупала такой Вадиму три года назад.

— Да, Вадюша у меня золотой, — Ангелина покраснела. — Мы четыре года вместе, и он ни разу не приехал с пустыми руками. Всё в дом, всё для семьи. Жаль только, что первый брак у него был такой несчастный. Жена, говорит, холодная была,

только о своих чертежах и думала. А ему уюта хотелось...

Ржавый нож в моем сердце провернулся еще на один оборот. «Холодная». «О чертежах думала». Значит, вот как он описывал наши двадцать лет? Как производственную необходимость?

— Мама, а можно ягодку? — Антошка подбежал к столу, дергая Ангелину за подол.

— Можно, маленький, — она ласково погладила его по голове. Весь в папу. Характер — кремень. Вадим говорит, будет тоже капитаном.

Я смотрела на этого ребенка и понимала: я не смогу её возненавидеть. В этом доме не было запаха порока. Здесь была любовь. Искренняя, чистая и абсолютно

фальшивая по своей сути, потому что она была построена на украденном у

меня времени. Ангелина была не воровкой. Она была скупщиком краденого, который даже не догадывался о происхождении товара.

— Ваш торт, — она протянула мне коробку, перевязанную красной лентой. — Пусть ваше воссоединение будет сладким.

Я приняла коробку. Она была тяжелой.

— Знаете, Ангелина, — я остановилась в дверях. — Я архитектор. И я точно знаю:

если в фундаменте здания есть трещина, которую замазали сахаром, оно всё равно рухнет. Вопрос только в том, кого привалит обломками.

Ангелина нахмурилась, явно не понимая, к чему я это клоню.

— Наверное, вы правы... Странное сравнение для торта.

— Это не про торт, — я слабо улыбнулась. — До свидания. Берегите сына.

Я вышла из дома, чувствуя, как раскаленный воздух Лиманска бьет мне в лицо. Я

дошла до ближайшей мусорной урны на углу улицы и, не колеблясь ни секунды,

опустила туда коробку. Три тысячи триста граммов шоколадного вранья.

«Для воссоединения семьи».

Я вызвала такси до вокзала. Лиманск был пройден. Я увидела всё, что хотела. Я

увидела женщину, которая пекла торты для моего мужа, и ребенка, который ждал

от него штурвал.

Вадим Волков думал, что он списан на берег. Он не знал, что берегов больше нет.

Есть только бездна, в которую он упадет очень скоро.

В поезде на Североморск я не спала. Я смотрела в окно на убегающие степи и

думала о том, что фундамент — это то, что остается, когда рушатся стены. И мой фундамент сейчас был чист от старой краски и сладкой лжи.

Завтра я вернусь в Североморск. Я не пойду домой. Я пойду в свою старую квартиру на

Портовой. К пыли. К наждачной бумаге.

Вадим думал, что я «поплачу и успокоюсь». Но архитектор Марина Волкова только

что закончила снос. Время строить. И на этот раз — по моим чертежам.

Я достала телефон и удалила чат с Ангелиной. На экране блокировки всё еще

улыбался желтый стегозавр.

— Скоро, — прошептала я, глядя на свое отражение в темном окне вагона. — Скоро

мы все окажемся в одном порту. И тогда посмотрим, чей корабль пойдет ко дну.

Глава 10

Североморск-Порт встретил меня так, как встречает старая, сварливая родня: колючим ветром в лицо и запахом пережженной солярки. После Лиманска, где воздух был липким и сладким, как переспелая вишня, мой город казался вылитым из чугуна. Здесь даже туман имел привкус ржавчины и морской соли. Я стояла на перроне, вцепившись в ручку чемодана, и смотрела, как хвост поезда исчезает в серой хмари. Домой идти было нельзя. Дом — это там, где Вадим. Где его трость стучит по паркету, имитируя боль, которой нет. Где в воздухе висит ложь, такая густая, что её можно резать ножом. — На Портовую, сорок два, — бросила я таксисту, садясь в прокуренный салон. Это был район, который Вадим называл «отстойником». Старые пятиэтажки с облупившейся лепниной, дворы-колодцы и вечно сохнущее на веревках белье. Бабушкина квартира ждала меня здесь последние пять лет. Я платила за неё коммуналку, заходила пару раз в год, чтобы смахнуть пыль, и каждый раз вылетала оттуда пулей — слишком много там было воспоминаний о временах, когда я еще была просто Мариной, а не «женой капитана Волкова». Подъезд встретил меня прохладой и специфическим ароматом старого дома: смесью хлорки, влажной штукатурки и чьего-то вчерашнего борща. Я поднялась на третий этаж. Мои шаги гулко отдавались в пустом пролете. Связка ключей в кармане казалась неподъемно тяжелой. Я выудила тот самый — длинный, потемневший от времени, с зеленым пластмассовым брелоком. Руки дрожали. Это был не просто ключ, это был мой последний рубеж. Если я не попаду внутрь, я просто рассыплюсь на этом грязном кафеле. Замок сопротивлялся. Железо словно чувствовало, что я принесла с собой слишком много беды. Я дергала ручку, вставляла ключ снова и снова, шепча ругательства пересохшими губами. — Да давай же... ну пожалуйста... — прошептала я, налегая плечом на дубовое полотно. Ключ поддался на пол-оборота, а затем раздался сухой, короткий звук. Крак. Я замерла. В пальцах осталась только головка ключа. Вторая половина намертво

застряла в скважине.

Это был предел. Точка. Последний архитектор в моей голове сложил чертежи и вышел

из зала, погасив свет. Я прислонилась лбом к холодной двери и медленно сползла

вниз, прямо на грязный бетон. Чемодан откатился к перилам. Я сидела, глядя на

обломок железа в своей руке, и понимала, что это самая честная метафора моей

жизни. Сломана. Застряла. Без шанса открыться.

Я не плакала. У меня просто кончились слезы еще в Лиманске, когда я смотрела на

Ангелину. Я просто сидела и слушала, как где-то этажом выше капает вода.

— Помощь нужна?

Голос был низким, спокойным и очень близким. Я вздрогнула и открыла глаза.

На лестничной площадке стоял мужчина. Он словно материализовался из теней этого

подъезда. Высокий, широкоплечий, в простой серой футболке, испачканной чем-то

белым, и поношенных джинсах. В руках он держал пакет с мусором.

Я смотрела на него снизу вверх. Первое, что бросилось в глаза — это его руки.

Крупные, с узловатыми суставами и въевшейся под ногти древесной пылью. Руки

рабочего человека. Совсем не такие, как у Вадима — холеные, привыкшие только к

штурвалу и дорогому паркеру.

— Ключ... — выдавила я, разжимая кулак. — Он просто лопнул.

Мужчина подошел ближе. От него пахло свежей стружкой, металлом и чем-то очень

надежным. Он не стал спрашивать «как же вы так?». Он просто поставил пакет на

пол и присел рядом на корточки. Его лицо было выветренным, с глубокими морщинами

у глаз и прямым, тяжелым взглядом. В нем не было капитанского пафоса, только

спокойная уверенность человека, который привык чинить то, что другие ломают.

— Старый замок, — констатировал он, рассматривая скважину. — Латунь устала.

Подождите здесь, я сейчас.

Он поднялся и скрылся в квартире напротив — сороковой. Я осталась сидеть на

своем чемодане. Мне должно было быть неловко — взрослая женщина на полу в

подъезде перед незнакомым мужиком. Но мне было всё равно. Я была за гранью

стыда.

Мужчина вернулся быстро. В руках у него был небольшой чемоданчик с инструментами

и термос.

— Подвиньтесь, — скомандовал он.

Я пересела на ступеньку. Он работал молча и сосредоточенно. Тонкие плоскогубцы,

какая-то жидкость из баллончика, уверенные движения. Я смотрела на его затылок

— коротко стриженные волосы с сильной проседью — и внезапно почувствовала, как

меня начинает трясти. Крупная, неуправляемая дрожь колотила тело. Это был

запоздалый шок от Лиманска, от вида Ангелины, от осознания того, что я —

бездомная при живом муже.

— Тише, — сказал он, не оборачиваясь. — Сейчас открою.

Через минуту раздался щелчок. Дверь, которая казалась мне монолитом, послушно

приоткрылась.

— Вот и всё, — он поднялся, отряхнул колени. — Замок под замену. Но на ночь

запереться сможете, я там подогнул пластину.

Я поднялась, держась за стену. Голова кружилась так, что пол под ногами

превратился в палубу в десятибалльный шторм.

— Спасибо... — я попыталась улыбнуться, но губы не слушались. — Сколько я вам

должна?

Он посмотрел на меня. Внимательно. Так смотрят моряки на горизонт перед бурей.

Его взгляд скользнул по моему дорогому пальто, по испачканным в пыли рукам, по

лицу, на котором застыл крах всей жизни. Он видел меня настоящую.

— Денег не надо, — сказал он просто. — Соседи мы теперь. Я Алексей.

Он протянул мне термос.

— Выпей. Там чай с лимоном и сахаром. Глюкоза сейчас нужнее, чем извинения.

Я взяла металлический сосуд. Он был теплым.

— Я... я Марина.

— Я знаю, Марина. Ваша бабушка, Анна Степановна, часто о вас рассказывала.

Говорила, внучка у неё — большая высота. Проекты строит.

Я горько усмехнулась. «Большая высота». Если бы бабушка видела меня сейчас, она

бы, наверное, сама заперла эту дверь с той стороны.

— Была высота, Алексей. Теперь — только фундамент остался. И тот в трещинах.

Он кивнул, словно мой ответ его ничуть не удивил.

— Фундамент — это хорошо. На нем всегда можно построить что-то новое. Хлам

только вынести надо.

Он подхватил свой пакет с мусором и пошел к лестнице.

— Зайди в дом, Марина. Выпей чай. И не закрывайся на все засовы — если заклинит снова, я не услышу.

Я вошла в квартиру и прикрыла дверь. Внутри пахло застывшим временем. Пыль лежала ровным слоем на зеркале в прихожей, на старом телефоне с дисковым набором, на стопке газет десятилетней давности. Я прошла на кухню, не зажигая света. Лунный свет пробивался сквозь немытые окна, выхватывая очертания пузатого чайника и табуреток с облупившейся краской.

Я села на одну из них и открыла термос Алексея. Чай оказался обжигающе горячим и очень сладким. С каждым глотком дрожь внутри понемногу утихала.

Я посмотрела на свои руки. На правой руке тускло поблескивало обручальное кольцо — платина с россыпью мелких бриллиантов. Вадим подарил его на десятую годовщину, сопровождая подарок длинной речью о «нерушимости нашего союза».

Я потянула кольцо. Оно шло туго, словноросло в кожу за эти годы. Пришлось посплюснуть палец, дернуть сильнее. Когда кольцо наконец соскользнуло, я почувствовала странную легкость, будто с руки сняли кандалы. На безымянном пальце осталась бледная, незагоревшая полоса — след от двадцати двух лет ожидания.

Я положила кольцо на пыльный подоконник. Пусть лежит. Здесь ему самое место — среди хлама и призраков.

В углу кухни стоял старый бабушкин комод. Его когда-то покрыли жутким темно-коричневым лаком, который от времени пошел пузырями и трещинами.

Я подошла к нему, провела ладонью по неровной поверхности. Под этим слоем убожества скрывалось хорошее дерево — кажется, береза.

Я вспомнила, что в чемодане, среди вещей, которые я хватала в спешке, лежал мой старый набор для эскизов и — чудо — несколько листов наждачной бумаги. Я покупала её месяц назад, собираясь обновить ручки на том самом буфете, который так любил Вадим.

Я достала наждачку. Сложила лист вчетверо.

Первый удар по лаку был яростным. Я терла с такой силой, что в воздухе мгновенно

поднялось облако едкой коричневой пыли. Скрип наждачки о дерево в тишине пустой
квартиры звучал как скрежет зубов.
Я терла и терла, чувствуя, как начинают гореть мышцы плеча. С каждым движением
слой старого, фальшивого блеска осыпался на пол грязными хлопьями. Из-под него
проступало светлое, чистое дерево. Настоящее. Живое.
Это была моя клятва. Самой себе.
Я обдеру всё. Я вытравлю из себя каждую минуту, проведенную в ожидании Вадима. Я
соскребу этот «капитанский» лак со своей души, даже если мне придется стереть
кожу до костей.
Он думал, что я — списанный материал. Он думал, что я заблокирована вместе с его
счетами. Он не знал, что архитектор Марина Волкова только что начала свой самый
главный проект. Реставрацию самой себя.
Я остановилась, тяжело дыша. Посмотрела на телефон. Экран вспыхнул уведомлением.
Ангелина прислала сообщение: «Марина, добрый вечер! Деньги за торт пришли,
спасибо! Вы так быстро ушли, я даже не успела спросить — вам всё
понравилось? Торт был для воссоединения семьи, надеюсь, всё прошло
сладко?»
Я усмехнулась, вытирая пыльный лоб тыльной стороной руки.
«Всё прошло идеально, Ангелина. Мы наконец-то увидели друг друга без масок.
Спасибо за сахар. Он помог мне почувствовать истинный вкус моей жизни».
Я нажала «Отправить» и отложила телефон.
Завтра я куплю новую личинку для замка. Завтра я закажу машину, чтобы вывезти
отсюда старые газеты и ветошь. Но сегодня... сегодня я буду тереть это дерево,
пока не взойдет солнце.
Вадим Волков думал, что он — капитан. Но он забыл, что корабль без берега — это
просто кусок железа в океане. А мой берег теперь здесь. На Портовой, сорок два.
Среди пыли, наждачной бумаги и правды, которая наконец-то перестала меня
убивать.
Я снова прижала наждачку к комоду. Скрип стал увереннее. Я больше не была
«женой». Я была женщиной, которая строит свой дом. И на этот раз
фундамент будет из гранита, а не из лжи.

Туман за окном начал редеть, обнажая огни порта. Но я больше не смотрела на
корабли. Я смотрела на светлое дерево под своими пальцами.
Списание окончено, Вадим. Теперь начинается жизнь.

Глава 11

Солнце в Североморске-Порту не ласкает, оно слепит, отражаясь от свинцовой глади залива и серых бетонных коробок. В то утро оно пробилося сквозь немытое окно бабушкиной квартиры и высветило в воздухе мириады пылинок, танцующих над моим неоконченным комодом.

Я проснулась на старом диване, не раздеваясь. Руки ныли — подушечки пальцев горели после ночной работы с наждачкой, а в горле стоял сухой привкус лака.

Я села, чувствуя, как хрустит позвоночник. На подоконнике всё так же лежало обручальное кольцо, подмигивая мне мелкими бриллиантами в луче света.

Дорогой ошейник, который я наконец-то сняла.

В голове было удивительно пусто и звонко. Знаете, так бывает после сильной

контузии: звуки мира доносятся как сквозь слой ваты, зато внутреннее

зрение обретает пугающую четкость.

Я больше не могла просто ждать. План «архитектурного сноса», который я наметила

в Лиманске, требовал следующего этапа. Мне нужно было не просто увидеть врага,

мне нужно было сделать его союзником. Потому что настоящий враг у нас был один

на двоих.

Дорога обратно в Лиманск заняла те же бесконечные шесть часов, но теперь я не

пряталась. В моей сумке лежала папка — тяжелая, как надгробная плита. В ней

была задокументирована вся моя жизнь: свидетельство о браке, фотографии из

роддома, где Вадим держит крошечную Катю, снимки с наших общих отпусков, где

он обнимает меня на фоне Эйфелевой башни или Колизея. Наше общее «вчера»,

которое он так легко похоронил ради «сегодня» с другой женщиной.

Лиманск встретил меня тем же зноем, но теперь акации казались мне не ароматными,

а приторными, до тошноты. Я дошла до Садовой, четырнадцать. Калитка была не

заперта.

Ангелина была на веранде. Она выкатывала коляску с Антошкой, что-то весело

напевая под нос. Увидев меня, она на мгновение замерла, а потом её лицо

осветилось узнаванием.

— Ой, здравствуйте! — она улыбнулась, и в этой улыбке не было ни капли фальши. —

Вы что-то забыли? Или торт... неужели что-то не так с тортом?

Я остановилась у ступенек веранды. Она выглядела такой домашней, такой... невинной

в своем неведении. На ней был тот же ситцевый сарафан, на руках — белые следы от

муки.

— С тортом всё в порядке, Ангелина, — мой голос прозвучал суше, чем я

планировала. — Просто воссоединение семьи пошло не по плану. Можно

мне войти? Нам нужно поговорить. Без свидетелей.

Она нахмурилась, в её глазах мелькнула тень тревоги. Она посмотрела на спящего в

коляске Антошку, потом на меня. Моё дорогое пальто, несмотря на жару, и ледяной

взгляд, видимо, произвели впечатление.

— Да... конечно. Проходите на кухню. Антошка спит крепко, не разбудим.

Мы вошли в дом. Тот же запах ванили и корицы. Та же уютная кухня, где Вадим

чувствовал себя «настоящим». Я села за стол, не снимая пальто. Ангелина

сутилась у плиты, пытаясь поставить чайник, но я остановила её жестом.

— Не нужно чая. Сядьте, пожалуйста.

Она присела на край стула, сложив руки на коленях. Чистая кожа, ясные глаза.

Пять лет он кормил её сказками. Пять лет он крал моё время, чтобы дарить его

ей, и крал её право на честное будущее, чтобы иметь удобный причал.

Я достала из сумки папку и положила её на стол между нами.

— Вы говорили вчера, что ваш Вадим — вдовец. Что его первая жена погибла в

автокатастрофе много лет назад.

Ангелина побледнела. Её пальцы судорожно вцепились в край сарафана.

— Да... Он говорил, это была ужасная трагедия. Он долго не мог прийти в себя, пока

не встретил меня. А почему вы... откуда вы это знаете?

Я открыла папку. Первым легло свидетельство о браке. Серия, номер, печать.

Волков Вадим Александрович и Волкова Марина Сергеевна. Дата регистрации —

двадцать два года назад.

— Ваша «покойница» сейчас сидит перед вами, Ангелина, — сказала я, глядя ей

прямо в глаза. — Я не умирала в автокатастрофе. Я умирала дома, в

Североморске, каждый раз, когда он уезжал в «длинные рейсы» и

«командировки в доки Лиманска».

Тишина на кухне стала такой плотной, что казалось, её можно потрогать. Ангелина

смотрела на гербовую бумагу, и её зрачки расширялись, поглощая радужку. Она

протянула дрожащую руку, коснулась пальцем фамилии Вадима.

— Нет... — прошептала она. — Это ошибка. Это... может быть, однофамилец? Вадим

говорил...

Я молча выложила фотографии. Вот мы с Вадимом на его тридцатилетии. Вот он в

капитанской форме на фоне нашего дома в Североморске. А вот — наша дочь

Катя. На этом фото ей восемнадцать, и она улыбается точно так же, как

Антошка там, во дворе.

Ангелина схватила фотографию Кати. Её дыхание стало частым, прерывистым. Она

смотрела на девочку, которая была живым доказательством её обманутой жизни.

— Он... он сказал, что он один. Что у него никого нет. Что он искал меня всю

жизнь...

Она вдруг закрыла лицо руками. Плечи её затряслись в беззвучном рыдании. Это не

была истерика обманутой любовницы, которая хочет отбить мужика. Это был крах

целого мира. Мира, пахнущего ванилью, который оказался декорацией из картона.

Я сидела и смотрела на неё. Во мне не было торжества. Только горькая, тяжелая

солидарность. Мы обе были деталями в его грандиозном проекте «Комфортный

Капитан». Он выстроил две параллельные реальности, в каждой из которых был

богом. И в каждой из которых он лгал.

— Он списан досрочно, Ангелина, — тихо сказала я. — И из моей жизни, и из твоей.

Он не вдовец и не герой. Он просто трус, который не смог выбрать одну женщину и

решил обворовать обеих.

Ангелина подняла голову. Её лицо было серым, глаза покраснели. В этот момент она

выглядела старше своих двадцати восьми. Намного старше.

— Он ведь сейчас в Североморске? — спросила она, вытирая слезы кухонным

полотенцем. — Сказал, что у него срочные дела в управлении. Оформление

пенсии по инвалидности... Он правда ранен?

— Мениск, — кивнула я. — Но вчера в Североморске он бегал за своим телефоном

быстрее молодого матроса. Он симулирует тяжесть травмы, чтобы иметь

легальный повод торчать на берегу и жонглировать нами. Он перевел твоей

маме триста тысяч два дня назад. С нашего общего счета. Счета, который мы копили

на квартиру для нашей дочери.

Ангелина вздрогнула, словно я её ударила.

— Я не знала... Я думала, это его личные сбережения. Он говорил, что много

заработал за эти годы...

— Он заработал эти деньги, обкрадывая нашу семью. И он обкрадывал твою

молодость, давая тебе ложную надежду на брак, который невозможен.

Я убрала фотографии обратно в папку, оставив на столе только копию свидетельства

о браке.

— Он ведь обещал тебе свадьбу? Обещал усыновить Антошку официально?

— В следующем месяце, — Ангелина горько усмехнулась, и в этой усмешке я впервые

увидела сталь. — Сказал, что все документы почти готовы. Ждал только

«окончательного списания».

— Он дождался, — я поднялась. — Только списывать его будем мы.

Ангелина посмотрела на меня снизу вверх. В её взгляде больше не было страха или

сочувствия. Там рождалось нечто новое. Холодное. Женское.

— Что вы хотите сделать?

— Я хочу, чтобы он понял цену каждой своей лжи. Я не собираюсь его прощать. И я

не собираюсь за него бороться. Такое «добро» мне не нужно даже даром. Но я

хочу, чтобы он остался в пустом порту. Без меня. И без тебя.

Я подошла к ней и положила руку на её плечо. Её кожа была горячее.

— Мы с тобой не враги, Ангелина. Мы — жертвы одного и того же кораблекрушения.

Но мы выжили. А он... он пусть идет на дно со своим враньем.

Ангелина накрыла мою руку своей. Её ладонь была маленькой, но хватка —

удивительно крепкой.

— Он вчера звонил мне, — прошептала она. — Спрашивал про заказ на торт.

Нервничал. Спрашивал, кто заказал. Видимо, его чутье капитана всё-таки

что-то подсказало.

— Моё чутьё архитектора подсказывает мне, что пора сносить стены, — я достала из сумокинула на

свидетельство. — Оставь это себе. Пусть лежит под рукой. Когда он придет в

следующий раз с очередной сказкой про «дела в порту», просто положи это

перед ним вместо ужина.

— Я сделаю больше, — Ангелина выпрямилась. — Я больше не испеку для него ни

одной крошки. И я не позволю ему врать моему сыну.

Я вышла из дома номер четырнадцать на Садовой. Зной Лиманска больше не казался

мне таким удушливым. Между нами больше не было тайны. Была только общая

правда, горькая, как полынь, но чистая.

Я ехала на вокзал, глядя на пролетающие мимо сады.

Вадим Волков сидел в Североморске, уверенный, что он — властелин двух сердец. Он

не знал, что его «берега» только что встретились и договорились о совместной

блокаде.

Двадцать два года я была его тенью. Пять лет Ангелина была его светом. Теперь мы

обе решили стать его реальностью. А реальность для таких, как Вадим, всегда

смертельна.

В купе поезда я открыла телефон.

«Марина, спасибо. Я всё поняла. Мы на связи», — пришло сообщение от Ангелины.

Я закрыла глаза под мерный стук колес. Поезд увозил меня на север. К пыльному

комоду. К жизни, в которой больше не будет места «логистике» и «двойным портам».

Вадим был списан досрочно. И на этот раз его не спасет никакая страховка.

Я заснула — впервые за эти дни без сновидений. Корабль под названием «Брак

Волковых» официально пошел ко дну, и я, как последний выживший пассажир,

наконец-то почувствовала под ногами твердую землю. Пусть она была в пыли и

трещинах, но это была моя земля.

Глава 12

Поезд «Лиманск — Североморск» вкатился на перрон ровно в семь утра. Город встретил меня привычным свинцовым небом и запахом мазута, который здесь, кажется, пропитывал даже облака. Южный зной остался далеко позади, как и та жизнь, где я верила, что у моего мужа есть только один берег. Я вышла из вагона, вдыхая ледяной воздух, от которого сразу закололо в легких.

Североморск-Порт не умел сочувствовать. Он был суров, прямолинеен и прочен, как те гранитные плиты, которыми выложен причал. Архитектор во мне всегда уважал эту честность камня. Жаль, что я не разглядела отсутствие такой же честности в человеке, с которым прожила двадцать два года. В чемодане лежало свидетельство о браке. Моя «охранная грамота» и одновременно мой приговор.

— На Портовую, — коротко бросила я водителю такси, не глядя в зеркало заднего вида.

Я знала, что Вадим сейчас, скорее всего, дома. Или в управлении. Или «хромает» в сторону магазина, выбирая очередную порцию лжи для своего завтрака. Он уверен, что я на даче у Светки. Пью капли, плачу в подушку и потихоньку готовлюсь просить прощения за свою «мнительность». Пусть верит. Ложная уверенность врага — лучший инструмент для его демонтажа.

Дом на Портовой встретил меня гулким эхом подъезда. Я поднялась на третий этаж, стараясь не шуметь. Вторая половинка сломанного ключа всё еще торчала в скважине, как напоминание о моем вчерашнем поражении. Но теперь у меня был запасной путь. Алексей, сосед из сороковой, сказал, что «подправил пластину».

Я толкнула дверь, и она открылась с тихим, ж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.